Мастера ужасов

18+

Клайв Баркер

Алые песнопения

Мастера ужасов

Клайв Баркер

Алые песнопения

«Издательство АСТ»
2015

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Баркер К.

Алые песнопения / К. Баркер — «Издательство АСТ», 2015 — (Мастера ужасов)

ISBN 978-5-17-093624-3

«Алые песнопения» – сиквел новеллы Клайва Баркера «Восставшие из ада». Тридцать лет поклонники Баркера ждали публикации этого романа, главным героем которого стал известный поклонникам вселенной Баркера по роману «Эвервилль» оккультный детектив Гарри Д'Амур, исследователь сверхъестественного, магического и зловещего. В этой книге Гарри Д'Амуру предстоит спуститься в самое сердце ада и сразиться с давним и страшным врагом – Пинхедом. Кровавая, устрашающая история, полная неожиданных хитросплетений и поворотов, после прочтения которой самые страшные кошмары покажутся детскими сказками.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-093624-3

© Баркер К., 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Пролог 6
1 6
2 9
3 16
4 19
Книга первая 21
1 21
2 23
3 29
4 32
5 34
6 36
7 40
8 45
9 51
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Клайв Баркер
Алые песнопения

Марку,
без которого этой книги бы не существовало

Услышав от друга вопрос о том, что значит «алый», слепец ответил: «Это подобно звуку трубы».
Джон Локк
«Опыт о человеческом разумении»

Clive Barker
THE SCARLET GOSPELS

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Janklow & Nesbit Associates и Prava I Perevodi International Literary Agency Перевод *Сергея Крикуна*

Перевод с английского Сергея Крикуна

Copyright © 2015 by Clive Barker
© Сергей Крикун, текст
© Сергей Неживясов, иллюстрация на обложку
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог
Labor diabolus

Он волосы мои взметнул да щеки обмахнул,
Подобно ветру луговому, что гуляет там весной,
С кошмарами моими чудно сплелся он,
И все же знал я – мне здесь рады.

Сэмюэл Тэйлор Кольридж
«Сказание о старом мореходе»

1

Наконец, долгое могильное молчание нарушил голос Джозеф Раговски, и ничего приятного в нем не было – ни по звучанию, ни по смыслу.

– Да вы только взгляните на себя, – молвил он, рассматривая пятёрку магов, пробудивших его от лишенного грёз сна. – Вы что привидения, все до единого.

– Ты и сам выглядишь не ахти, Джо, – отозвалась Лили Саффро. – Твой бальзамировщик слегка переусердствовал с румянами и подводкой для глаз.

Раговски заворчал, вскинул руку к щеке и стер немного грима, которым пытались скрыть подарок жестокой смерти – тошнотворную желтизну. Его забальзамировали (вне всяких сомнений, наспех) и задвинули на полку в фамильном мавзолее, находившемся на окраине Гамбурга.

– Надеюсь, вы так потрудились не просто затем, чтобы забросать меня дешевыми остротами, – сказал Раговски, осматривая объекты, усеивавшие пол вокруг. – Как бы то ни было, я впечатлен. Некромантические ритуалы не терпят халатности.

Колдуны воскрешали Раговски ритуалом Н'гуз, требовавшим яиц от безупречно белых голубок, которым вкололи кровь первой девичьей менструации, – их следовало разбить и вылить в двенадцать алебастровых чаш, окружавших труп, при этом каждый сосуд содержал и другие причудливые ингредиенты. Чистота являлась главным условием данного ритуала. У птиц – ни перышка другого цвета, кровь – первой свежести, а две тысячи семьсот девять цифирей, начертанных чёрным мелом, должны были начинаться под кругом из чаш и спиралью закручиваться к месту, где лежал труп воскрешаемого, – в строго определенном порядке, без затёртостей, разрывов или исправлений.

– Элизабет, это ведь ты постаралась, не так ли? – поинтересовался Раговски.

Элизабет Коттлав – старшая из пяти магов; женщина, чьи знания некоторых из самых сложных и неуловимых сохраняющих заклинаний и ритуалов не уберегли ее лицо, и оно выглядело так, будто ее владелица потеряла аппетит и способность спать десятки лет тому назад – кивнула.

– Да, – ответила она. – Мы нуждаемся в твоей помощи, Джоуи.

– Давно ты меня так не называла, – сказал Раговски. – Обычно это случалось, когда мы трахались. Меня и сейчас собираются объебать?

Коттлав метнула быстрый взгляд на своих сотоварищей магов – на Лили Саффро, Йяшара Хейадата, Арнольда Полтэша, Теодора Феликссона – и увидела, что оскорбления Раговски забавляют их не больше, чем её.

– Вижу, могила не лишила ядовитости твой язык, – заметила она.

– Да ёб вашу мать, – вздохнул Полтэш. – В этом-то и заключалась главная проблема! Что мы сделали, что не сделали, что имели и не имели – все это неважно, – он покачал головой. – Сколько времени и сил было растеряно на попытки переплюнуть друг дружку, а ведь мы могли сотрудничать… у меня слезы на глаза наворачиваются.

– Вот и рыдай, – сказал Теодор Феликссон. – А я буду сражаться.

– Да. Прошу. Избавь нас от зрелища твоих слез, Арнольд, – подала голос Лили. Из пяти магов сидела только она – по той простой причине, что у нее отсутствовала левая нога. – Всем бы нам хотелось, чтобы всё сложилось иначе…

– Лили, дорогая, – молвил Раговски, – не могу не заметить, что ты уже не та женщина, что была раньше. Что стало с ногой?

– Вообще-то, – отозвалась она, – мне повезло. Он меня почти сцапал, Джозеф.

– Он?.. То есть, его не остановили?

– Мы – вымирающий вид, Джозеф, – сказал Полтэш. – Настоящий вымирающий вид.

– Сколько членов Круга осталось? – внезапно в голосе Джозефа послышалась тревога.

Пятёрка обменялась молчаливыми взглядами. Наконец, кто-то заговорил – это была Коттлав.

– Мы – все, кто остался, – сказала она, вперив взор в одну из алебастровых чаш и её окровавленное содержание.

– Вы? Всего *пятеро?* Не может такого быть.

Из манер и голоса Раговски улетучились весь сарказм и мелочная сварливость. Даже яркие краски бальзамировщика не могли смягчить ужас на его лице.

– Сколько времени я пролежал?

– Три года, – ответила Коттлав.

– Пошутить решили? Как такое возможно? – недоумевал Раговски. – В одном Высшем Круге было двести семьдесят один человек!

– Да, – сказал Хейадат. – И это только те, кто пожелал числиться среди нас. Невозможно сказать наверняка, скольких непосвящённых он забрал. Несколько сотен? Тысяч?

– И ещё никак не узнать, чем они владели, – добавила Лили Саффро. – У нас был довольно точный список…

– Однако даже он был неполным, – сказал Полтэш. – У каждого из нас есть тайное имущество. У меня точно.

– Ах-х… святая правда, – вздохнул Феликссон.

– Пятеро… – повторил Раговски, покачивая головой. – Почему вы не собрались, не пораскинули мозгами и не придумали, как его остановить?

– Вот зачем мы взяли на себя труд вернуть тебя к жизни, – сказал Хейадат. – Поверь, никто из нас не совершал этого по доброй воле. Думаешь, мы не пытались поймать ублюдка? Еще *как*, блять. Но демон чертовски умен…

– И с каждым разом он всё умнее, – кивнула Коттлав. – В некотором роде, ты должен быть польщен. Тебя он забрал в числе первых потому, что как следует подготовился. Он знал, что только ты мог объединить нас всех против него.

– А когда ты умер, мы бранились и тыкали друг в друга пальцами, как склочные школьники, – вздохнул Полтэш. – Он настигал нас по очереди, поодиночке, появляясь в разных частях земного шара – мы и предположить не могли, где он нанесет следующий удар. Многие пропали так, что никто ничего и не заподозрил. Вести находили нас позже – обычно через несколько месяцев. А то и год спустя. Просто так, случайно. Пытаешься с кем-то связаться, и оказывается, что их дом продан, сгорел до основания или же просто брошен на поживу плесени. Я навещал парочку таких мест. Помните дом Брэндера в Бали? Я там бывал. А поместье доктора Бигандзоли в окрестностях Рима? И туда ездил. Не обнаружилось и следа мародер-

ства. Местные так боялись слухов о жителях усадьбы, что не осмеливались и шага туда ступить – даже несмотря на тот очевидный факт, что дома никого не было.

– И что ты там нашел? – поинтересовался Раговски.

Полтэш достал пачку сигарет и закурил. Его руки дрожали, и Коттлав помогла ему подкурить.

– Исчезло всё, что имело магическую ценность, – продолжал он рассказ. – Уртексты[1] Брэндера, коллекция ватиканских апокрифов Бигандзоли. Всё, вплоть до самого никчемного богохульного памфлета, исчезло. Полки пустовали. Очевидно, Брэндер без боя не сдался: было много крови на… кто бы мог подумать – на кухне.

– Разве необходимо всё пересказывать? – не выдержал Хейадат. – Всем нам известно, чем заканчиваются эти истории.

– Вы вырвали меня из желанных объятий смерти, чтобы я помог вам спасти ваши души, – молвил Раговски. – Меньшее, что вы можете для меня сделать – это поделиться фактами. Арнольд, продолжай.

– Ну, кровь была старой. Её было много, но она уже много месяцев, как высохла.

– С Бигандзоли так же? – спросил Раговски.

– Когда я приехал, поместье было наглухо заперто. Ставни и двери закрыты, словно Бигандзоли уехал в отпуск, но он всё ещё находился внутри. Я нашел его в рабочем кабинете. Он… Господи, Джозеф, он был подвешен к потолку. На цепях. Они оканчивались крюками, пронзавшими его плоть. И там стояла такая жара… По моим догадкам Бигандзоли был мертв уже месяцев шесть. Тело полностью иссохло. Возможно, выражением на лице он был обязан тому, как усохли его губы, но, Богом клянусь, выглядел Бигандзоли так, будто умер с криком на устах.

Раговски по очереди осмотрел лица всех присутствовавших.

– Значит, пока вы воевали себе за мальчиков и дам прекрасных, этот демон пресёк жизни и разграбил умы самых изощренных адептов магических наук на всей земле?

– В общем и целом? Да, – кивнул Полтэш.

– Зачем? Какова его цель? Это-то вы разузнали?

– Думаем, такая же, как и у нас, – сказал Феликссон. – Накопление силы. Он забрал не только трактаты да свитки с гриму арами. Он вымел подчистую все облачения, талисманы, амулеты…

– Цыц, – внезапно прервал его Раговски. – Слушайте.

На миг среди них воцарилось молчание, а затем вдали тихо пробил погребальный звон.

– О, Боже, – сказала Лили. – Это его колокол. Мертвец засмеялся.

– Он вас нашел.

[1] Уртекст – печатное издание музыкального текста, стремящееся к как можно более точной передаче авторского замысла. Очевидно, Баркер имеет в виду щепетильные копии магических текстов.

2

Собравшаяся компания, за исключением однажды усопшего Раговски, тут же испустила поток молитв, уговоров и протестов, и ни один не звучал на том же языке.

– Спасибо вам, старые друзья, за дар второй жизни, – сказал Раговски. – Далеко не всем выпадает счастье умереть дважды, в особенности от рук одного и того же палача.

Он вылез из гроба, сбил ногой первую попавшуюся алебастровую чашу и двинулся против часовой стрелки по некромантическому кругу. По полу во все стороны растеклась смесь яиц, менструальной крови и прочих, особых для каждой чаши ингредиентов, но все они были ключевой составляющей ритуала Н'гуз. Одна чаша откатилась, дико завиляла и разбилась о стену мавзолея.

– Что за ребячество, – скривилась Коттлав.

– Боже правый, – сказал Полтэш. – Звон нарастает.

– Мы примирились, чтобы заручиться твоей помощью и защититься! – крикнул Феликссон. – И теперь опустить руки? Разве ничего нельзя сделать? Я этого не приму.

– Слишком поздно вы помирились, – сказал Раговски, растаптывая в пыль битые чаши. – Возможно, если бы сюда явилось человек пятьдесят, и все разделяли ваши знания, у вас могла бы появиться надежда. Но, при текущем раскладе, вас численно превосходят.

– Численно? Хочешь сказать, у него есть приспешники? – удивился Хейадат.

– Иисусе Христе… В чем дело? Вуаль смертельная сковала разум мой, аль годы прошедшие сгноили? Вот честно не помню вас такими тупицами. Демон поглотил знания бесчисленных умов. Ему не нужна подмога. Не существует заклинания, способного его остановить.

– Нет, не может быть! – вскрикнул Феликссон.

– Уверен, три года назад я бы прибегнул к такой же беспомощной фразе, но это было до моей преждевременной кончины, братец Теодор[2].

– Исчезнем! – воскликнул Хейадат. – Все в разных направлениях. Я улечу в Париж…

– Йяшар, ты меня не слушаешь. Слишком поздно, – сказал Раговски. – От него не спрячешься. И я тому доказательство.

– Ты прав, – согласился Хейадат. – Париж – слишком очевидно. Куда-то подальше, а затем…

Пока Хейадат лихорадочно излагал свой план, Элизабет Коттлав, очевидно, смирившись с текущими обстоятельствами, решила поговорить с Раговски более непринужденно.

– Сказали, что твоё тело нашли в храме Феместриона. Странное место, Длсозеф. Как ты там оказался? Он тебя туда привел?

Раговски замер на секунду и посмотрел на Коттлав.

– Нет, – проговорил он. – Вообще-то я сам там спрятался. За алтарем там есть комнатка. Она крохотная. В ней темно. Я… я думал, что буду там в безопасности.

– А он все равно тебя нашел.

Раговски кивнул и поинтересовался:

– И как же я выглядел? – его голос невольно дрогнул.

– Меня там не было, но по отчетам всех очевидцев – ужасающе. Он бросил тебя в той норе, а крюки так и остались в теле.

– Ты рассказал ему, где хранишь все манускрипты? – спросил Полтэш.

---

[2] Братец Теодор (1906–2001 гг., настоящее имя Теодор Готтлиб) – германо-американский комик. Выступал с бессвязными, абсурдными монологами. Свои выступления братец Теодор называл «стэнд-ап трагедиями». Братец Теодор – это «Борис Карлофф, сюрреалист Сальвадор Дали, Нижинский и Рэд Скелтон… одновременно».

– Мне цепь с крюком желудок через задницу тянула, так что да, Арнольд, рассказал. Я визжал, как крыса в капкане. А потом он бросил меня там, и та цепь с крюком медленно потрошила меня, пока он не побывал в моём доме и не снёс в храм все, что я припрятал. Помню, я так жаждал смерти, что буквально молил его добить меня. Я рассказал ему даже то, о чём он не просил. Мне хотелось лишь умереть. В конце концов, моё желание исполнилось. И никогда в жизни я не был так благодарен.

– Иисусе! Увидь и зарыдай! – воскликнул Феликссон. – Взгляните на себя – разинули рты на его болтовню! Мы воскресили сукина сына не для того, чтобы слушать его сраные страшилки, а ради ответов.

– Ответов захотел?! – рыкнул Раговски. – Тогда слушай. Возьми бумагу и запиши местонахождение каждого известного тебе гримуара, памфлета и предмета силы. Каждого. Рано или поздно он все равно получит нужную информацию. Лили, ты – у тебя ведь имеется единственная существующая копия «Жестокостей» Сендереггера, так?

– Возможно…

– Пиздец, женщина! – покачал головой Полтэш. – Он же пытается помочь.

– Да. Имеется, – сказала Лили Саффро. – Она в сейфе под могилой моей матери.

– Запиши. Адрес кладбища. Номер участка. Нарисуй чертову карту, если нужно. Главное, чтобы ему было не сложно искать. Тогда можно надеяться, что он отплатит той же монетой.

– У меня нет бумаги, – пискнул Хейадат внезапно пронзительным, детским от страха голосом. – Кто-нибудь, дайте бумагу!

– Держи, – сказала Элизабет, вырвав листок из записной книжки, которую она только что достала из кармана.

Полтэш писал на конверте, прижав его к мраморной стене мавзолея.

– Не понимаю, как это удержит его от манипуляций с нашими мозгами, – сказал он, рьяно покрывая конверт малопонятными каракулями.

– Не удержит, Арнольд. Это всего лишь жест повиновения. Что-то, с чем никто из нас не был особо знаком. Но вдруг, – а я ничего не гарантирую – вдруг сработает.

– О, Боже! – воскликнул Хейадат. – Я вижу свет в щелях.

Маги оторвались от письма, чтобы посмотреть, о чем речь.

Холодный голубой свет проникал в мавзолей сквозь узенькие щели между мраморными блоками.

– Пришествие нашего гостя неизбежно, – сказал Раговски. – Элизабет, дорогая…

– Да, Джозеф? – откликнулась она, не отрываясь от лихорадочного письма.

– Будь добра, освободи меня, пожалуйста.

– Одну минутку. Дай мне закончить список.

– Будь ты проклята! Отпусти меня! – вспыхнул Раговски. – Я не хочу быть здесь, когда он явится. Не хочу больше видеть его ужасное лицо, никогда!

– Наберись терпения, Джозеф, – сказал Полтэш. – Мы всего лишь следуем твоему совету.

– Кто-нибудь, верните мне смерть! Я не могу снова пройти через это! Никто не должен переживать такое дважды!

Свет, рвавшийся в мавзолей, становился всё ярче, и к нему присоединился скрип, с которым один из огромных мраморных блоков медленно выдвигался со стены на уровне человеческой головы. Когда он высунулся дюймов на десять, пришел в движение другой блок, находившийся в стене левее и пониже первого. Спустя несколько секунд пошевелился и третий камень, уже правее и повыше. Серебряно-голубые лучи яркого света, расплетавшие стену, прорывались внутрь с появлением новых щелей и трещин.

Возмущенный равнодушием своих воскресителей, Раговски продолжил разрушение некромантических трудов Коттлав с места, на котором прервался. Он схватил алебастровые чаши и швырнул их о движущуюся стену. Потом он стянул погребальный пиджак, опустился на

колени и принялся с его помощью стирать цифры, написанные Коттлав безупречно непрерывной спиралью. Пускай Раговски был мертв, пока он оттирал пол, на лбу у него выступила испарина. Жидкость была темной и густой. Она собиралась в морщинах и, наконец, срывалась на пол, пятная его смесью бальзамировочных химикатов и собственных гнилостных соков мертвеца. Но старания Раговски начали себя оправдывать: блаженная немота подымалась вверх от кончиков его пальцев, ширясь конечностями тела; томная усталость собралась позади глаз и осела в пазухах – полужидкое содержимое черепа Раговски ответило зову гравитации.

Оторвавшись от работы, он увидел, как пятёрка магов строчит на бумаге списки, подобно студентам, спешащим закончить важнейший экзамен до звонка. Однако в данном случае цена неудачи была хуже, чем плохая отметка. Раговски глянул на стену – двигалось уже шесть блоков. Наконец, камень, первым ответивший на давление с той стороны, упал на пол. Зависшая в воздухе бетонная пыль наделила холодный свет плотностью. Яркий луч ворвался в мавзолей и копьем воткнулся в противоположную стену. Секунду спустя упал второй блок.

Не отрывая руку от бумаги, Теодор Феликссон принялся читать молитву, обращаясь к божеству, чье имя предусмотрительно умалчивалось:

Да будет сила Твоя,
Да будет суд Твой.
Возьми душу мою, о, Владыка,
Прими да используй ее.
Владыка, я слаб.
Я страшусь…

– Еще один «владыка» нам здесь ни к чему, – сказала Элизабет. – Нам поможет богиня.

И, промолвив эти слова, она затянула собственную мольбу:

Нита златоперсая,
Дщерью меня назови,
И грудью вскормлю я…

Но и Феликссон не переставал молиться:

Спаси меня, Владыка,
От ужаса и тьмы.
Прижми покрепче
К сердцу своему, Владыка…

Хейадат прервал битву молебнов рёвом, на который был способен только мужчина его телосложения.

– Никогда в жизни не слыхал такой фальши! Когда это вы успели уверовать во что-то, кроме собственной алчности? Если демон вас слышит, он смеется.

– Ты неправ, – послышался голос из места, откуда струился ледяной свет.

Пускай слова сами по себе были обычными, они словно ускорили капитуляцию стены.

Еще три блока двинулись вперед, размалывая цемент, и в ту же секунду два других камня выпали из стены и присоединились к завалу, растущему на полу мавзолея.

Невидимый вещатель продолжал обращаться к магам. Его голос обладал стеклянной суровостью, и контрастирующий с ним жёсткий голубой свет казался тропическим.

– Я чую разлагающуюся плоть, – молвил демон. – Но с оживляющей отдушкой. Кто-то воскрешал мертвецов.

Наземь упало еще несколько блоков, и теперь в стене образовалась дыра таких размеров, что в неё мог легко пройти человек внушительных габаритов, вот только нижнюю треть пространства занимали обвалившиеся камни. Однако для существа, которое вот-вот собиралось проникнуть в гробницу, такие проблемы решались легко.

– Оват Порак[3], – сказал вторженец.

Приказ пришел в исполнение незамедлительно. Чуткий мрамор мгновенно разошелся в стороны. Даже сам воздух очистился – каждая частичка цементной пыли убралась с дороги демона.

Итак, расчистив путь, киновит вошёл в помещение и присоединился к шести магам. Он был высок и выглядел почти так, как на изображениях в каталогах, включавших описания всех сколько-нибудь значимых демонов – собравшиеся в мавзолее колдуны изучали их последние месяцы и недели, тщетно пытаясь отыскать на страницах томов намек на наличие слабого места у этого существа. Естественно, ничего они не нашли. Но теперь, когда демон явился во плоти, в его сущности чётко угадывалась человечность и человек, которым он был однажды – прежде, чем свершились чудовищные труды его Ордена. Его плоть была практически белой, а голову покрывало ритуальное шрамирование: кожу испещряли глубокие борозды, горизонтальные и вертикальные. На пересечении этих шрамов бескровную плоть пронзали гвозди, вколоченные в кость черепа. Возможно, когда-то гвозди сверкали новизной, однако прошедшие годы лишили их блеска. Но это не имело значения, ведь гвозди были по-своему изысканны, и это подчеркивалось тем, как демон держал голову – он смотрел на мир с чувством усталой снисходительности. И какие бы муки не уготовил он последним жертвам, – а по сравнению с его знаниями о боли и её механизмах Святая инквизиция показалась бы сборищем школьных задир – их страдания возросли бы тысячекратно, если бы кто-то из присутствующих осмелился произнести дерзкое прозвище «Иглоголовый», чье происхождение давно затерялось в жестокой борьбе за его авторство.

Что касается других деталей его внешнего облика, смотрелись они в основном так, как и на офортах и ксилографиях тысячелетних демонических списков: подол черных одежд обмахивал при ходьбе пол; участки освежёванной плоти открывали усеянные алой капелью мускулы; кожа демона и ткань его облачений плотно переплетались. Во все времена периодически вспыхивали дебаты касательно вопроса, была ли проклятая душа в маске боли и сопутствующих одеждах одним человеком, существовавшим множество людских сроков, или же, когда труды искушения обессилевали текущего владельца шрамов и гвоздей, Орден Пореза передавал их следующему преемнику. Естественно, во внешности демона имелись детали, свидетельствовавшие в пользу обоих мнений.

Он выглядел, как существо, прожившее слишком долго: его глаза смотрели из синюшных впадин; двигался он уверенно, однако медлительно. Инструменты, свисавшие с пояса, – ампутационная пила, трепан, небольшое зубило и три серебряных шприца – были мокрыми от крови, как и кольчужный фартук[4] демона. Очевидно, усталость не препятствовала его собственноручному погружению в физические аспекты агонии.

А еще с ним прилетели мухи – тысячи жирных, чёрно-синих мух. Насекомые вились вокруг его пояса и садились на инструменты, чтобы полакомиться влажным человеческим мясом. Они были то ли вчетверо, то ли впятеро больше земных мух, и деловитое жужжание эхом разошлось по мавзолею.

Демон остановился, воззрившись на Раговски с выражением, похожим на любопытство.

---

[3] Оват Порак – предположительно, Иглоголовый произносит заклинание на древнееврейском языке: «оват» означает «сломать», а «порак» – «убрать».

[4] Кольчужные фартуки являются частью мясницкой униформы. Интересно, что в подготовке к съемкам «Восставшего из Ада» Баркер сделал зарисовку Иглоголового, изобразив его именного в таком фартуке.

– Джозеф Раговски, – промолвил киновит. – Как сладостно было твое страдание. Но ты так быстро умер. Мне приятно видеть тебя на ногах.

Раговски напрягся.

– Ну, давай, демон.

– У меня нет нужды повторно рыться в твоем уме, – он повернулся к дрожащим колдунам. – Я пришел за этой пятёркой. Скорей, чтобы довести дело до конца, чем в надежде на откровение. Вся магия изучена вдоль и поперёк. Я исследовал ее наидальнейшие пределы, и очень, очень редко мне счастливилось найти записи действительно оригинального мыслителя. Если, как говорил Уайтхед[5], вся философия – заметки к Платону, значит, вся магия – заметки к двенадцати великим текстам. Текстам, которыми я владею.

Как только демон заговорил, у Лили Саффро участилось дыхание. Она не выдержала, запустила руку в сумочку и принялась лихорадочно копошиться в её хаотичных внутренностях.

– Таблетки. О, Боше, Боже, где мои таблетки?

Нервные руки упустили одну лямку, и содержимое сумочки рассыпалось по полу. Саффро опустилась на колено, нашла бутылочку и подхватила её – ей нужно было срочно принять лекарство. Не подымаясь с пола, прижимая руки к груди и глубоко дыша, она жевала и глотала большие белые пилюли. Феликссон эту вспышку паники проигнорировал.

– У меня есть четыре сейфа, – обратился он к демону. – Я записал их местоположение и коды. Если для вас это слишком затруднительно, я сам всё принесу. Или же можете последовать за мной. Дом большой. Вам может понравиться. Обошёлся мне в восемнадцать миллионов долларов. Вы и ваши братья можете распоряжаться им на своё усмотрение – он ваш.

– Мои братья? – повторил киновит.

– Приношу извинения. Ведь в Ордене есть и сестры. Я забыл об этом нюансе. Тем не менее, уверен, что моих трактатов вам хватит сторицей. Я знаю, вы сказали, что в вашем распоряжении и так все магические тексты. Но у меня имеется несколько замечательных первых изданий. Почти все в идеальном состоянии.

Не успел демон ответить, как заговорил Хейадат:

– Ваше Величество. Или же «Ваша Светлость»? Ваше Святейшество…

– Хозяин.

– Как… у собаки? – переспросил Хейадат.

– Конечно, – вклинился Феликссон, отчаянно пытаясь угодить демону. – Если он говорит, что мы псы, значит, так и есть.

– Хорошо сказано, – молвил демон. – Однако говорить легко. Лежать, пес.

Феликссон замешкался на секунду в надежде, что это была всего лишь мимолетная ремарка. Но он ошибся.

– Я сказал лежать, – предупреждающе повторил киновит.

Феликссон начал опускаться на колени.

– Наголо, – приказал демон. – Ведь собаки бегают голышом.

– О-о-о… да. Конечно. Долой одежду!

Феликссон принялся раздеваться.

– И ты, – проговорил демон, указывая бледным пальцем на Коттлав. – Элизабет Коттлав. Будь его сукой. Также наголо, на четвереньки.

Она начала расстегивать пуговицы – ей не требовались дальнейшие уговоры.

– Погоди, – киновит двинулся к ней.

---

[5] Альфред Норт Уайтхед (1861–1947) – выдающийся британский философ, логик и математик. Совместно с философом и математиком Бертраном Расселлом написал «Principia Mathematica» – труд, легший в основу теории типов и логицизма.

Потревоженные мухи отрывались от кровавой трапезы и взлетали в воздух. Элизабет зажмурилась, но демон всего лишь протянул руку и приложил ладонь к низу её живота.

– Женщина, сколько абортов ты совершила? Я насчитываю одиннадцать.

– П-правильно.

– Большинство утроб не переносят такого бессердечного отношения, – он стиснул кулак, и Элизабет тихонько охнула. – Но вопреки почтенному возрасту я могу дать твоему измученному лону способность наконец свершить то, для чего его создали…

– Нет, – в голосе Элизабет звучало больше недоверия, чем возражения. – Ты не мог…

– Скоро дитя будет здесь.

У Элизабет отобрало дар речи. Она просто уставилась на демона, будто таким образом могла добиться пощады.

– А теперь будь славной сукой и становись на четвереньки, – молвил киновит.

– Могу я кое-что сказать? – подал голос Полтэш.

– Можешь попытаться.

– Я… я могу быть вам очень полезен. То есть круг моего влияния достигает Вашингтона.

– Каково твоё предложение?

– Просто хочу сказать, что очень много крупных чиновников обязаны мне своим положением. Один звонок – и отчитываются они перед вами. Да, сила не магическая, но этого добра у вас и так в достатке.

– Чего ты просишь взамен?

– Лишь свою жизнь. Называйте любые имена любых дипломатов из Вашингтона, и они у ваших ног.

Киновит не ответил. Его вниманием завладела пара, стоявшая перед ним: Феликссон был в нижнем белье, и Элизабет также хранила скромность.

– Я сказал наголо! – рявкнул демон. – Оба. Взгляни на живот свой, Элизабет. Как он налился! Как насчет изнуренных сисек? Как они теперь выглядят?

Он стянул с нее остатки блузки и бюстгальтер. Иссохшее вымя её грудей действительно полнело.

– Для еще одного приплода сгодишься. И на этот раз ты не выскребешь его из своего лона.

– Что вы думаете о моем предложении? – не унимался Полтэш.

Прежде чем демон ответил, заговорил Хейадат:

– Он лжет. Полтэш больше хиромант, чем советник.

– Захлопни свой сраный рот, Хейадат! – взорвался Полтэш, но его товарищ маг продолжал:

– Мне доподлинно известно, что Вашингтон предпочитает услуги одной женщины по имени Сидикаро.

– А. Да. Я владею её воспоминаниями, – сказал демон, притронувшись к виску.

– И вы передаёте все своему Ордену, правильно? – спросил Хейадат.

– А разве я должен?

– Естественно, другие члены вашего Ордена…

– … не со мной.

Хейадат побледнел – он понял.

– Вы действуете в одиночку…

Прозрение Хейадата прервал стон Элизабет Коттлав – она стояла на четвереньках рядом с другим псом киновита, Теодором Феликссоном. Её живот и груди округлились и созрели. Чудотворство демона было таким могущественным, что её соски засочились молоком.

– Добру нельзя пропадать, – сказал киновит Феликссону. – Лицом к полу, слизывай.

Феликссон с готовностью нагнулся, чтобы исполнить приказ, и в тот же миг, очевидно, разуверившись в том, что его предложение примут, Полтэш отчаянно метнулся к двери. Он

был уже в двух шагах от порога, но тут киновит бросил взгляд в проход, из которого появился. Что-то блестящее и змеистое ринулось из застенья, пересекло помещение и поймало Полтэша за затылок. Через секунду появились еще три цепи. Они окачивались крюками, годными и для ловли акул. Цепи обмотались вокруг шеи колдуна, его груди и пояса.

Полтэш заорал от боли. Жрец Преисподней прислушался к звуку, как истинный ценитель.

– Визгливо и дешево. Я ожидал большего от человека, протянувшего так долго.

Цепи рванули в три разных стороны, вмиг разрубив Полтэша на три части. Он замер на мгновение с ошарашенным видом, а затем его голова скатилась с шеи и с омерзительным шлепком ударилась о пол мавзолея. Через пару секунд за ней последовало тело – по земле рассыпались парящие внутренности, выпал желудок, расплескав полупереваренное содержимое. Демон поднял голову и вдохнул, наслаждаясь ароматом.

– Уже лучше.

Он сделал незаметный жест, и цепи, оборвавшие жизнь Полтэша, зазмеились по полу, взобрались по двери и обвились вокруг ручки. Они напрягли звенья, закрыли дверь и подняли крюкастые головы, как тройка готовых ринуться в бой кобр, пресекая дальнейшие попытки к бегству.

3

– Некоторыми вещами следует заниматься конфиденциально, не так ли, Джозеф? Помнишь, как у нас все случилось? Ты предлагал стать моим личным убийцей. А затем сходил под себя.

– Разве тебе ни чуточки не надоело? – отозвался Раговски. – Сколько ещё страданий нужно причинить, пока ты не пресытишься его печальным, больным удовольствием?

– Каждому свое. Ты и сам пережил этап, на котором не касался девочек моложе тринадцати.

– Да прикончи меня уже, наконец – вздохнул Раговски.

– Скоро. Ты – последний. На тебе игры закончатся. Останется лишь война.

– Война? – переспросил Раговски. – Не будет, с кем сражаться.

– Вижу, Джозеф, мудростью смерть тебя не наградила. Неужели ты и правда думал, что всё сводилось к твоему жалкому обществу?

– К чему тогда? – спросил Хейадат. – Если мне суждено погибнуть, я хотел бы знать, за что я умираю!

Демон обернулся к нему. Хейадат посмотрел в блестящую тьму демонических глаз, и, точно в ответ на его вопрос, киновит плюнул в сторону стены какое-то слово. На Хейадата бросилось двадцать крюков на блестящих цепях – они уцепились за его рот, шею, грудь, живот, пах, ноги, ступни и руки. Киновит собирался миновать пытку и перейти к казни незамедлительно. Крюки неумолимо зарывались в тело Хейадата, весившее целых триста пятьдесят фунтов[6], и он залепетал, обезумев от агонии. Сложно было разобрать слова, сказанные сквозь слезы и носовую слизь, но походило на то, что он перечисляет книги из своей коллекции, словно всё ещё надеялся заключить сделку с палачом.

– …«Zvia-Kiszorr Dialo»… единственная… сохранившаяся копия… Гаффари… его «Нал-л-л»…

Киновит ввёл в игру еще семь цепей – явились они молниеносно, метнувшись к Хейадату со всех сторон. Крюки впились в дрожащее тело, а цепи обмотались вокруг него так плотно, что сквозь ржавые звенья вылез жир пленника.

Лили бочком отодвинулась в угол и закрыла лицо руками. Остальные, даже Коттлав, с виду находившаяся на восьмом месяце беременности, и Феликссон, трахавший её сзади, взглянули на Хейадата – тот всё рыдал и тараторил:

– «Названия» Мозефа… «На-на-названия… Инфернальных Территорий»…

Наконец все двадцать семь цепей закрепились в теле толстяка. Киновит прошептал ещё один приказ, и все цепи напряглись – каждая из них тянула тело Хейадата в своём направлении. На плоть и кости мага оказывалось колоссальное давление, но он всё перечислял свои сокровища.

– … о, Господи… «Симфония»… «С-симвония смерти» Лемпе… «Желтая ночь» Ромео Ре-ре-ре…

– Ромео Рефра, – подсказал Раговски.

Он наблюдал за истязанием Хейадата с бесстрастием, на которое, пожалуй, был способен лишь мертвец.

– …да… и…

Однако на этом месте Хейадат оборвал перечень – только теперь до него дошло, что с ним происходит. Он испустил поток жалобных криков, и каждый следующий возглас звучал громче и пронзительней, ведь его тело начало поддаваться крюкам. Человеческая плоть не

[6] 350 фунтов = 158,7 кг.

могла больше выдерживать подобную нагрузку. Кожа начала рваться. Хейадат дико задергался. Его последние связные слова и мольбы переросли в хриплые вопли агонии.

Первым поддался живот. Впившийся в него крюк вошёл по-настоящему глубоко. Он вырвал кусок ярко-желтого сала толщиной десять дюймов, захватив немного мускульной ткани. Дальше настал черёд груди – с неё сорвали кошу и жир, и из ран хлынула кровь.

Даже Лили приоткрыла пальцы, чтобы понаблюдать за развитием спектакля. Крюк, сидевший в левой ноге Хейадата за берцовой костью, раздробил её с таким хрустом, что его не заглушили даже крики мученика. Его уши исчезли, оторвавшись вместе с клочками скальпа, обе лопатки разломили вырвавшиеся на свободу крюки.

Тело дергалось, мавзолей переполняли крики страдальца, и зеркальная лужа крови под его телом растеклась так, что её жидкости омывали подол киновитских одежд, но демон был неудовлетворён. Он промолвил новые инструкции, обратившись к наидревнейшему из фокусов магии – к Teufelssprache[7].

Как только он прошептал заклинание, появилось ещё три крюка – больше, чем все предыдущие. Их внешние округлости были остры, как скальпели. Они метнулись к открытым на груди и животе Хейадата участкам жира и видневшегося под ним мяса, вспороли тело и уцепились за внутренности.

Эффект одного удара проявился незамедлительно – он пробил левое лёгкое. Хейадат оборвал крик и принялся ловить ртом воздух, а его дерганье превратилось в безнадёжные конвульсии.

– Прикончи его, милости ради, – простонал Раговски.

Киновит повернулся спиной к жертве и посмотрел Раговски в лицо. Под холодным, мёртвым взглядом демона даже тело оживленного трупа покрылось мурашками.

– Хейадат был последним, кто попытался мной распоряжаться. Ты окажешь себе услугу, если не пойдёшь по его стопам.

Даже пережив объятия смерти, Раговски понял, что боится стоявшего перед ним расчётливого демона. Оживлённый маг глубоко вдохнул, собираясь с остатками мужества.

– Что ты пытаешься доказать? Думаешь, умертвишь кучу людей самыми изощрёнными способами, и тебя прозовут Безумцем или Мясником? Сколько бы гнусных пыток ты не изобрел, ты все равно останешься Иглоголовым.

Воздух замер. Верхняя губа киновита поползла вверх. Он молниеносно выбросил руку, схватил Раговски за жилистую шею и притянул мертвеца к себе.

Не отрывая взгляд чёрных глаз от мага, демон снял с пояса трепан, большим пальцем включил прибор и приставил его к центру лба Раговски. Сверло пробуравило череп колдуна и спряталось в корпус.

– Иглоголовый, – повторил невозмутимый Раговски.

Киновит не ответил. Он просто повесил трепан обратно на пояс и засунул пальцы себе в рот, выискивая что-то, внедрённое в нижнюю челюсть. Нащупав искомое, он достал его наружу – это был маленький, скользкий, почерневший обломок, подобный гнилому зубу. Киновит поднес пальцы к дыре в черепе воскрешенного мертвеца, вставил в неё объект и в ту же секунду отпустил шею Раговски.

– Кажется, вскоре я умру окончательно. Так? Перефразируя Черчилля, утром я превращуюсь в обычную кучку праха, а ты так и останешься *Иглоголовым,* – прорычал Раговски.

Киновит уже повернулся к нему спиной. Крюки, пронзавшие тело Хейадата, явно дожидались хозяина, чтобы свершить coup de grâce[8]. Облагодетельствованные его взором, они показали, на что способны.

---

[7] Teufelssprache *(нем.)* – язык Дьявола.

[8] Coup de grâce *(фр.)* – смертельный, «сострадательный» удар.

В потолке коренилась цепь с крюком, который демон любовно прозвал Рыболовным Крючком. Он резко вонзился Хейадату в нёбо, и рванул вверх, подняв над землей всю тушу. Киновит бросил взгляд на облепленные свернувшейся кровью звенья, и один за другим последовали взрывы алой жидкости. Руки Хейадату перерубило пополам, ноги – также. Огромные ляжки были изодраны, изрыты цепями от паха до колен. С лица сняли кожу, и три крюка, глубоко сидевшие в груди и животе мага, в одну секунду вырвали сердце, легкие и внутренности. Никогда еще не свершалось такого быстрого вскрытия.

Исполнив задание, цепи проволокли трофейные куски плоти по лужам крови и исчезли там, откуда явились. Осталась лишь одна цепь, цепь с Рыболовным Крючком, на которой покачивалось существенно облегченное тело Йяшара Хейадата. Обвислый, растянутый желудок хлопал белыми от жира стенками.

– Сегодня все фейерверки снова были красными, – промолвил киновит так, словно ему всё это наскучило.

Феликссон, который всё это время трахал Коттлав, выскользнул из неё и попятился от разраставшейся лужи крови. Пытаясь найти опору, он нащупал что-то мягкое. Феликссон развернулся, и ему скрутило кишки.

– Лили… – едва выдавил он.

Демон повернул голову, чтобы взглянуть на находку Феликссона. Лили Саффро. Очевидно, убиение Хейадата оказалось для неё слишком суровым зрелищем. Она лежала, привалившись к дальней стене. На её мертвом лице застыл шок, а руки были прижаты к груди.

– Покончим с этим, – сказал демон и развернулся к тройке выживших магов. – Ты. Феликссон.

Лицо мужчины было перепачкано смесью соплей и слез.

– Я?

– Роль пса тебе удалась. У меня есть для тебя работа. Подожди меня в проходе.

Киновиту не было нужды повторять дважды. Феликссон вытер нос и, последовав указаниям демона, выскользнул из мавзолея. Пускай он голышом шёл прямо в Ад, и в спину ему дышало существо, безжалостно растерзавшее на куски почти всех его друзей, Феликссон радовался своей участи.

На самом деле, он был так рад, что выскочил в угловатый проход в стене мавзолея, и ни разу не оглянулся. Феликссон отошел подальше, чтобы не слышать крики умирающих товарищей, присел у крошащейся стены и заплакал в ожидании хозяина.

4

– Что со мной? – спросил Раговски.

– Ты инфицирован моим крошечным братом, Джозеф. Червём, сотворённым из частицы меня самого. Из колыбели у моей щеки я пересадил его в отверстие в твоём черепе. Его тело наполнено миниатюрными яйцами, и чтобы вылупиться, им нужна мягкая, тёплая среда.

Раговски не был глупцом. Он чётко понимал значение сказанных слов. Они объясняли непрошеное давление внутри головы, бурлящее движение позади глаз, резкий привкус горькой жидкости, сочившейся в горло из носовой полости.

Раговски харкнул и плюнул в киновита сгустком мокроты, но демон отразил его, сменив траекторию полета слизи едва заметным движением пальцев. Когда сгусток упал на пол, Раговски увидел всю правду: выхаркал он не мокроту, а клубок червей.

– Ну ты и сволочь, – сказал Раговски.

– У тебя имеется редчайшая возможность умереть во второй раз, и ты расходуешь воздух на банальные оскорбления? Джозеф, от тебя я ждал большего.

Раговски начал задыхаться в припадке кашля. Он попробовал восстановить дыхание, но горло забилось копошащимися комками. Он упал на колени, и удара хватило, чтобы ветхая мертвецкая кожа порвалась. Усыпая землю вокруг, из его тела полезли черви. Раговски собрал остатки воли и поднял голову в последнем акте неповиновения, но не успел он наградить палача презрительным взглядом, как его глаза провалились в глазницы, и губы с носом тут же постигла схожая участь. Его лицо исчезло в считаные секунды – его низвели к костяной чаше, до краёв наполненной кишащими порождениями киновита.

Позади Раговски раздался пронзительный вопль. Покончив, наконец, с магом, демон развернулся на шум и обнаружил, что слишком увлёкся разрушением воскрешенного мертвеца и пропустил, как Коттлав родила единственного за всю свою жизнь ребёнка. Однако не она испустила тот крик. Труп Коттлав лежал на спине – произведение потомства разорвало её пополам. Тварь, сотворённая демоном в её нутре, извивалась в луже собственных смрадных жидкостей и орала голосом, который демон принял за крик её матери. Существо было женского пола и на первый взгляд могло сойти за человека.

Демон обвел мавзолей взглядом – зрелище было впечатляющим. У двери валялись куски Полтэша. На Рыболовном Крючке всё ещё покачивалась голова да изувеченный торс Хейадата. Разорённое временем тело Лили Саффро лежало в углу, храня предсмертную позу; лицо печально свидетельствовало об эмпирической силе самого страха – жизнь Саффро унесло То единственное, на Чей зов рано или поздно откликнется душа каждого живого существа. И, наконец, Раговски, превратившийся в жалкое месиво костей и червей.

Черви, эти бескультурные гости, уже начали покидать останки в поисках нового лакомства. Первые из бросивших пирушку уже нашли куски Хейадата в одной стороне и развороченное тело Элизабет Коттлав – в другой.

Киновит присел между окровавленных ног Коттлав и снял с пояса нож. Он взял синюшный канатик пуповины, разрезал его и завязал в узел. Затем он нашел блузку матери (кровавые потёки миновали ткань) и укутал в неё ребёнка. Но даже в импровизированных пелёнках дитя всё кричало, точно гневная птица. Демон посмотрел на своё детище – во взгляде читалось безмятежное любопытство.

– Ты голодна, – проговорил киновит.

Он поднялся, взялся за край шелковых пеленок и отпустил ребенка, позволив ему размотаться над трупом матери. Девочка начала падать, но успела вцепиться когтями в блузку и, по-змеиному зашипев, повисла на ней, уставившись отцу в глаза.

– Пей, – сказал он.

Киновит тряхнул блузкой, и существо упало на тело родительницы. Став на четвереньки, дитя неуклюже взобралось к левой груди Элизабет и принялось разминать остывающую плоть руками, на которых уже отрасли необычайно длинные для новорождённого пальцы. И когда молоко опять засочилось из безжизненной груди, девочка жадно впилась в неё.

На этом демон повернулся к ребёнку спиной и отправился туда, откуда пришел – туда, где киновита дожидался его верный пёс Феликссон.

Когда камни и цемент вернулись на свои изначальные места и тем самым закрыли проход за удалившимся демоном, дитя выросло уже вдвое. К тому времени, как киновит покинул мавзолей, наступил рассвет, а ребёнок высосал всё молоко и начал рвать материнскую грудь, чтобы добраться до мяса. Послышался треск грудины, заполнивший маленькое, затхлое помещение громким эхо.

Организм нагой девочки претерпевал стремительное взросление, и время от времени слышался мучительный, но приглушённый из-за стиснутых зубов стон. Не отдавая себе отчёта в том, что отец бросил её, молодая демонесса кружила по комнате, как свинья в корыте, и жадно поглощала останки однажды могущественных колдунов, эффективно уничтожая последние следы магического ордена, который веками скрывался в тени цивилизации.

Полицию вызвал смотритель кладбища, нечаянно обнаруживший кошмарное зрелище за дверью мавзолея, – бедный, сломленный мужчина поклялся никогда не ступать на земли погостов. К тому времени девушка, превратившаяся во взрослую женщину меньше, чем за двенадцать часов, исчезла.

Книга первая
Прошлые жизни

Три человека могут сохранить секрет только в том случае, если двое из них мертвы.
Бенджамин Франклин
«Альманах бедного Ричарда»[9]

1

Два десятка лет тому назад в Новом Орлеане Гарри Д'Амуру исполнилось двадцать три года – в тот день он был пьян, как владыка Бурбон-стрит. И вот он опять в том же городе, израненном ураганами и человеческой жадностью, но живом и по-прежнему алчущим веселья. Прошло двадцать четыре года, а Гарри выпивал в том же баре, на той же улице. Играла музыка, которую, верите или нет, исполнял джаз-квинтет во главе с тем же трубачом-вокалистом по имени Миссисипи Моузес, и на небольшом танцполе зарождались любовные интрижки на одну ночь – всё так же, как и почти четверть века тому назад.

Тогда Гарри танцевал с прекрасной девушкой – с её слов, дочкой Миссисипи. Пока они с Гарри отплясывали, она сказала, что если он в настроении заняться «чем-то пикантным» (Гарри отчетливо помнил, как она улыбнулась на слове «пикантный»), у нее есть местечко, где они смогут позабавиться. Они поднялись в комнатушку над баром. Снизу громко и ясно слышалась музыка её папаши. Этот, казалось бы, незначительный факт должен был намекнуть Гарри, что это семейное предприятие, и что у мужчин с дочерьми бывают и сыновья. Но как только Гарри запустил ей руку под платье, вся кровь отхлынула вниз, и одновременно с тем, как его палец скользнул в её влажное, жаркое лоно, распахнулись двери, и девица изобразила немое удивление при виде двух своих братьев – они стояли посреди комнаты и выглядели почти по-настоящему возмущённо. Эти двое разрушителей блаженства разыграли перед Д'Амуром сцену, которую они, должно быть, исполняли с полдюжины раз за вечер: они сообщили ему, что их милейшая сестрёнка девственница, и что если они вздёрнут его, проклятого янки, на суку дерева, росшего всего в минуте ходьбы, в баре не найдется ни одного свидетеля. Но они заверили Гарри, что люди они благоразумные, и если у него при себе достаточно денег, они закроют глаза на его проступок. Конечно же, только на этот раз.

Естественно, Гарри выложил деньги. Он опустошил кошелёк, вывернул карманы и почти отдал свои лучшие воскресные туфли брату повыше, но они оказались ему велики. Братья отвесили Гарри несколько оплеух, бросили вслед туфлями, и он ретировался через нарочно незапертую дверь. Да, лишился пары сотен, но всё же легко отделался.

Спустя столько лет Гарри шел в бар с едва ощутимой надеждой встретить там ту же девушку – изменившуюся со временем, но всё еще узнаваемую. Её там не оказалось, и её мнимых братьев тоже. Лишь Миссисипи Моузес музицировал с закрытыми глазами, укутывая импровизациями горько-сладкие любовные песни, бывшие старыми ещё когда Гарри впервые услышал игру этого пожилого джазмена.

Но ни одно из этих ностальгических воспоминаний не улучшило его настроение. Равно как и его отражение в изъеденном возрастом зеркале за баром, попадавшееся ему на глаза вся-

[9] «Альманах бедного Ричард а» (1732–1758 гг.) – ежегодный альманах, который издавал Бенджамин Франклин, один из сооснователей США. Альманахи пользовались в колониальной Америке большой популярностью (за год «Альманах» расходился тиражом в 10000 экз.) и являли собой сборник прогнозов погоды, хозяйственных советов, задач, загадок и других развлечений.

кий раз, когда Гарри поднимал голову. Сколько бы алкоголя он не глотал, отражение отказывалось мутиться и бахвалилось шрамами, оставленными сражениями и временем. Гарри обратил внимание на свои глаза – даже беглый взгляд казался недоверчивым. Уголки рта закрутились вниз, как следствие чрезмерного множества непрошеных посланий, доставленных неприглядными вестниками: записки от мертвецов, повестки в инфернальные суды и стабильный поток инвойсов за услуги санитара из Квинса, сжигавшего в своей печи что угодно, хотя и за соответствующую плату.

Гарри Д'Амур никогда не просил о такой участи. Он пытался жить нормально – жить жизнью, незапятнанной тайными ужасами, с которыми он познакомился еще в детстве. Гарри решил, что служба закону может оказаться не худым оплотом против сил, досаждавших его душе. Итак, за неимением смышлёности и вербальной сноровки, необходимых любому хорошему юристу, он стал одним из нью-йоркских копов. Поначалу казалось, что фокус сработал. Разъезжая по улицам города, он разбирался с проблемами, которые скатывались из банальности в брутальность, а из брутальности обращались в банальность – и так два раза в течение одного часа. Оказалось, что при таких условиях забыть о неестественных образах, маячивших вне досягаемости любого обычного пистолета или закона, относительно легко.

Однако это не означало, что он не считывал знаки, когда они ему попадались. Гнилостного порыва ветра было достаточно, чтобы с глубин его черепа поднялся чёрный прилив, и загнать его обратно удавалось лишь нечеловеческим волевым усилием. Нормальность взимала свою плату. В бытность копом и дня не проходило без того, чтобы Гарри не приходилось по-быстрому варганить байку-обманку для своего напарника – порой довольно общительного семьянина Сэма Шомберга, которого по-доброму прозывали Шмарей. В конце концов, знакомства с правдой Гарри бы никому не пожелал. Но дорога в Ад выложена кипящим раствором хороших намерений, и все байки да полуправды не помогли Гарри уберечь напарника.

Пускай Шмарей Шомберга прозвали добрые друзья, кличку он заслужил. Как бы он не лелеял пятёрку своих детишек («последние четыре были паршивыми случайностями»), его мысли часто сводились к перепихону: если он был на дежурстве и в соответственном настроении, Шмаря курсировал кварталами с сомнительной репутацией, рассматривая проституток, пока не находил девушку, которая казалась ему достаточно чистоплотной («Бог свидетель, фиг я заразу домой притащу»), он её арестовывал и отпускал после того, как ему оказывали благодарственную услугу в ближайшем проулке или подъезде.

– Еще один «Джек»? – спросил Бармен, вернув Д'Амура к реальности.

– Нет, – ответил Гарри.

В его голове всплыл образ хитрых, распутных глаз Шмари, и с этой точки разум Гарри поскакал к воспоминаниям о последних минутах жизни его напарника.

– Обойдусь, – сказал Д'Амур, обращаясь больше к себе, чем к бармену, и поднялся с табурета.

– А? – переспросил бармен.

– Ничего, – отозвался Гарри и пододвинул к нему десятидолларовую купюру, которая уже и так лежала на стойке – словно в плату бармену, чтобы тот воздержался от дальнейших расспросов. Гарри нужно было убраться оттуда и оставить воспоминания позади. Но, несмотря на алкогольную дымку, разум оказался быстрее ног, и, проигнорировав возражения, вернул Д'Амура в Нью-Йорк, в ту ужасную ночь, и вот Гарри уже сидит в патрульной машине на 11-й улице, дожидаясь, пока Шмаря не кинет палку.

2

Шмаря и его избранный сосуд-приёмник находились вне видимости, на ступеньках подвала. Здание пустовало, и Гарри казалось, что с прошлого раза, как он видел этот дом, его двери и окна замуровали да заколотили ещё тщательней. Он глянул на часы. Было десять минут третьего июньской ночи. Гарри немного разнервничался, ему не сиделось на месте, и он знал, в чём дело. Его тело всегда раньше мозга знало, когда в окрестностях появлялось что-то нехорошее.

Гарри нетерпеливо постукивал по баранке, высматривая на пустынных улицах какую-то подсказку – отчего так разыгрались его нервы? В детстве он прозвал это «НЗ» – «Нечесабельным Зудом». Взрослая жизнь не дала ему причин изменить формулировку, так что «НЗ» до сих пор являлся частью его личного словаря, призванного помочь Гарри немного упорядочить ментальный хаос, который всегда вызывала эта нервозность.

Через дорогу под мерцающим фонарем как будто пробежало какое-то непонятное животное. Если Д'Амур что-то и видел, оно было совсем эфемерным, практически неразличимым для обычных глаз. Гарри казалось, что двигалось оно с грацией дикой кошки. Нет. Он ошибся. Там ничего не было…

Но в тот же миг, как эта мысль только формировалась в его голове, Эфемерное Нечто подтвердило изначальное подозрение Д'Амура, развернувшись и отступив в тень – мелькнув мускулистым телом, оно скользнуло в тень, как рябь на потревоженной ветром воде, и растворилось во тьме. Однако с его исчезновением буква «Н» из «НЗ» не пропала. Не из-за Эфемерного Нечто у Гарри кожу покалывало. Нет, причина все еще была где-то рядом. Он открыл дверцу немаркированной патрульной машины и выбрался наружу, двигаясь медленно, чтобы не привлекать внимания. Затем Гарри осмотрел улицу, с одного конца до другого.

В полтора квартала от себя Гарри увидел козла, привязанного к пожарному гидранту. Округлые бока, выпученные глаза, угловатый череп – животное казалось жалким и в то же время чужеродными на городском тротуаре. Оставив дверь патрульной машины открытой, Гарри двинулся к напарнику. Рука инстинктивно легла на рукоятку пистолета.

Он сделал всего три шага, и тут на него нахлынул НЗ. Гарри остановился и глянул на отрезок тротуара, пролегавший между ним и чёрной ямой спуска в подвал, где Шмаря уединился с проституткой. Что он так долго?

Гарри неуверенно шагнул вперед, на ходу обращаясь к напарнику:

– Ладно, Шмаря, застегивай штаны. Пора двигать.

– Что?! – крикнул Шмаря. – … о, Боже, как же здорово… Напарник, точно не хочешь попробовать? Эта сучка тебе…

– Сэм, я сказал пора.

– Уно моменто, Гарри… одна секунд… чё-ё-ёрт… о, да… о, да, вот так… Шмаре нравится…

Гарри метнул взгляд на козла. Парадная дверь здания, перед которым привязали животное, была открыта. Внутри горели голубые, как свечи на полуночной мессе, огоньки. Зуд стал просто невыносимым. Медленно, но целеустремлённо Гарри пересёк растрескавшийся тротуар и оказался на верху лестницы в подвал. Он посмотрел вниз и увидел во тьме едва различимый силуэт Шмари – запрокинув голову, тот стоял, прислонившись к стене, а уличная девица трудилась перед ним на коленях. Судя по отчаянному мокрому бульканью, которое сопровождало движения её головы, проститутке не терпелось, когда уже коп разрядится – главное побыстрей сплюнуть и уйти.

– Чёрт тебя дери, Сэм, – не выдержал Гарри.

– Господи, Гарри. Да слышал я.

– Повеселился, а теперь…

– Я ещё не кончил.

– Поищем другую даму на другой улице, идёт?

Проговаривая эти слова, Гарри оглянулся на козла, затем посмотрел на распахнутую дверь. Отделившись от воска и фитилей, голубые огоньки рискнули выползти на улицу. Они освещали путь, но кому? Нутро подсказало Д'Амуру, что ответ на этот вопрос ему знать совсем не хочется.

– О-о, как ты хороша, – стонал Шмаря. – Ну просто супер. Даже лучше моего сраного шурина.

Он хихикнул над своей шуткой.

– Ну, всё, – процедил Гарри.

Он спустился по ступенькам и схватил Шмарю за плечо – козёл и освещённый проём пропали из виду. Гарри потянул товарища наверх, и девушка повалилась вперед, приземлившись на руки.

– Что такое? – встрепенулась она. – Что это значит? Загребёте меня?

– Заткнись, – шикнул на неё Гарри. – Никто тебя не гребёт. Но ещё раз увижу в этом квартале…

Его перебил жалостный вопль козла – крик эхом разошелся в противоестественно неподвижном ночном воздухе, растянувшись на целых три секунды. Затем звук резко оборвался, и улица снова погрузилась в тишину.

– Блять. Блять. Блять, – протараторил Гарри.

– Что это было? – удивился Шмаря.

– Козёл.

– Что? Не видел я никаких козлов…

– Шмаря?

– Да?

– По счету три бежим к машине, окей?

– О… кей. Но…

Гарри не дал ему договорить.

– Шмаря, никаких «но», – тихо, но с нажимом сказал он. – Смотри на машину и только на машину, пока не запрыгнешь в салон и не двинем. Шаг влево-вправо – и мы покойники.

– Гарри, что?..

– Поверь мне. Ну же, вперед.

– Вот чёрт, ширинку заело.

– Забудь о сраной ширинке. На член твой смотреть не будут, гарантия. Погнали.

Шмаря рванул с места. Гарри бесшумно бежал следом. Он глянул в сторону огоньков – козлу вспороли горло, но жизнь ещё не покинула его тело. Животное билось в судорогах, и облачённый в балахон палач держал его за лапы и рога, оттянув голову жертвы назад, чтобы разрез на шее открылся как можно шире.

Раскупорившись, жизненные соки козла фонтанировали из его тела, точно вода из пробитой трубы. Однако на жертвоприношении присутствовали не только животное и его убийца – спиной к Д'Амуру стоял третий участник действа. Гарри был посреди дороги, когда тот оглянулся. Д'Амур мельком увидел его лицо, – искорёженное пятно бесформенной плоти, подобной куску глины, позабытому скульптором – а затем неизвестный запустил руки в поток козлиной крови.

Шмаря был на полпути к машине. Вопреки указаниям Гарри, он бросил взгляд на неприглядную сцену и замер на месте. Д'Амур перебросил пистолет из правой руки в левую и схватил напарника за руку.

– Ну же.

– Видал?

– Шмаря, оставь.

– Гарри, это неправильно.

– Как и принуждать к отсосу сбежавшего из дома подростка.

– Это другое. Нельзя пиздячить козлов просто посреди улицы. Это, блять, мерзость, – Шмаря достал пистолет. – Эй, вы, ушлёпки с козлом. Ни с места, ёб вашу мать. Вы оба арестованы.

С этими словами он двинул к правонарушителям. Гарри тихо выругался и пошел следом. Где-то невдалеке (не больше, чем в двух-трёх кварталах) выла машина «скорой помощи» – это напомнило Д'Амуру, что каким-то образом рациональный мир существовал всего в двух шагах от гнусной сцены с козлом. Но Гарри знал, что это неважно. Такие явления были составляющими одной большой и непостижимой тайны, и они окружали себя туманом, не пропускавшим взор обычных глаз. Если бы Шмаря был один, скорей всего, он бы проехал мимо этого гротеска, даже не заметив его существования.

Шмаря прозрел лишь потому, что был с Гарри, и это знание камнем осело в кишках Д'Амура.

– Эй, отморозки! – заорал Шмаря. – А ну харэ.

В ответ двое мужчин сделали самое худшее – они подчинились. Гарри увидел, как убийца отпустил козла, и животное упало наземь. Козёл всё ещё сучил чёрными ногами. Умыв руки кровью, глинолицый человек распрямился и повернулся лицом к полицейским.

– Чтоб меня Иисус распял, – пробормотал Шмаря.

Гарри увидел, почему у Шмари вырвалось богохульство: то, что две минуты назад было непонятным комком плоти, начало оформляться в нечто определённое. Подобная глине субстанция сместилась, и теперь там виднелось то, что с натяжкой можно было назвать носом, ртом, а на месте глаз возникло две вмятины, будто кто-то оставил там отпечатки пальцев. Глиняный человек вперил взгляд в незваных гостей. С обагрённых кровью рук подымался пар.

Шмаря остановился и стрельнул глазами в Гарри, но этого хватило – он заметил, как Ларри мотнул головой назад, к машине. Тем временем у незнакомца с протеическим лицом оформился рот. Глиняный человек разлепил подобие губ, и из его нутра вырвался басовитый, угрожающий шум, подобный рыку разгневанного животного.

– Берегись! – крикнул Д'Амур.

Существо двинулась вперёд, и через два шага уже мчалось бегом.

– Беги! – проорал Гарри.

Он прицелился, выстрелил раз, два. Чудовище пошатнулось, и на его рубашке расплылись пятна крови. Гарри выпустил ещё две очереди – две пули попали в тело существа, и ещё одна угодила в голову. Тварь замерла посреди улицы и, склонив голову набок, принялась разглядывать окровавленную рубаху. Казалось, глиняный человек был в лёгком недоумении.

Сзади послышалось, как Шмаря забрался в машину и захлопнул дверь. Взревел двигатель, завизжали шины, и, описав петлю, авто притормозило рядом с Гарри.

– Запрыгивай! – проревел Шмаря.

Чудовище всё ещё рассматривало раны, и Гарри воспользовался моментом. Повернувшись к твари спиной, он перекатился через капот, распахнул дверь и приземлился на пассажирское сиденье. Не успел он закрыть дверь, как Шмаря надавил на газ. Когда они проносились мимо твари, Гарри увидел её во всех деталях – так, будто машина никуда и не двигалась: оно поднимало массивную голову, а в дырах глазниц пылали два крошечных огонька. Во взгляде читался смертный приговор.

– Ну, пиздец, – выдохнул Гарри.

– Что, плохи дела?

– Хуже некуда.

Они были уже почти в квартале от глиняного человека, и на несколько обманчивых мгновений Гарри показалось, что он ошибочно истолковал выражение в глазах врага, что у них получится в целости домчать до сулившей им спасение оживленной улицы. Но тут возвратился Зуд, и послышался крик напарника:

– Господи, блять!

Гарри оглянулся: враг бросился вдогонку, и расстояние между ним и машиной сокращалось с каждым шагом. Голем бежал, выставив руки вперед ладонями и неестественно широко растопырив пальцы, с которых срывались капли крови. С каждой секундой руки становились ярче, точно угли в костре, разбуженные внезапным ветром. И вот с протянутых конечностей уже летят жёлто-белые искры – они чернели и превращались в дым.

Гарри включил сирену и маячок в надежде, что тварь была из той редкой породы, представителей которых обескураживала подобная тактика. Отнюдь: вместо того чтобы сбросить преследователя с хвоста, сирена с огнями точно пришпорили чудище.

– Блять! Гарри, почти догнало!

– Ага.

– Сколько пуль ты всадил в эту херовину?

– Пять.

– Бля.

– Не отвлекайся от дороги.

– Бля.

– Шмаря, ты знаешь какую-то молитву?

– Ни одной.

– Бля.

В следующий миг тварь настигла их: она врезала по багажнику горящими руками, да с такой силой, что перёд машины подбросило вверх. На несколько секунд колеса оторвались от дороги, а когда шины снова соприкоснулись с асфальтом, противник уже проламывал заднее стекло. Салон заполнила гарь от козлиной крови.

– Наружу! – проорал Гарри.

Шмаря распахнул водительскую дверцу. Автомобиль всё ещё мчался вперед, но Шмаря всё равно выпрыгнул. Затылком Гарри почувствовал жар от рук врага и в нос ему ударил смрад подпаленных волос. Дверь с его стороны была открыта – всего на дюйм, но открыта. Левой рукой Гарри уперся в приборную доску, оттолкнулся и ударил дверцу плечом.

Его встретил чистый, прохладный воздух, а затем и дорога. Гарри попытался перекатиться в падении, но ему не удалось, и он приземлился на голову, счесав кожу щеки о растрескавшийся асфальт. Адреналин в венах простил телу его слабости – по крайней мере, на несколько секунд. Гарри поднялся, вытер из глаз кровь с грязью и оглянулся в поисках Шмари. Тот стоял в десяти ярдах от Д'Амура, едва видимый за чёрным дымом, валившим из горящей машины. Его пистолет был нацелен точно на Гарри.

– Шмаря, что…

– Сзади!

Гарри развернулся. Тварь стояла не дальше чем в двух ярдах. По воздуху вокруг существа струился дым. Почти вся его человеческая одежда сгорела в огне, и Гарри открылось неприглядное доказательство того, как сильно чудовище наслаждается творившимся безумием. Пенис глиняного человека блаженно воспрянул, оголив пятнистую головку. Волосы у основания члена горели, а сам орган торчал, будто палка посреди костра. И, точно каменно-твёрдое приветствие было недостаточной демонстрацией блаженства, в котором пребывала глиняная тварь, лицо чудища расплылось в улыбке.

Голем поднял правую руку. Пламя погасло, и почерневшая конечность всё ещё дымилась, но казалась невредимой. Память об огне затаилась лишь в морщинах ладоней чудовища

– они до сих пор светились ярким жаром и собирались в красные узлы ровно по центру кистей его рук. Гарри хотел отвести взгляд, но глаза не подчинялись. Вдруг жар в ладони существа вспыхнул и выпустил крапинку белого пламени. Она пролетела мимо головы Д'Амура, промахнувшись всего на несколько дюймов.

Гарри стоял в изумлении, и его разум успел поблагодарить судьбу за то, что тварь промахнулась. Но затем до Гарри дошло, что крапинка предназначалась не ему. Он крутнулся вокруг оси и закричал Шмаре, но и движение, и предупреждение оказались слишком медленными – воздух словно превратился в смолу.

Гарри смотрел на Шмарю: тот стоял в дюжине ярдов и таращился на него такими же беспомощными глазами. Не успел он пошевельнуться, как белая точка опустилась ему на шею. Шмаря медленно поднял руку, чтобы смахнуть её, но прежде, чем пальцы коснулись крапинки, она лопнула, выпустив две огненные нити – они молниеносно обмотались вокруг шеи полицейского, встретившись на его адамовом яблоке.

На мгновение воздух вокруг головы Шмари вспыхнул – он дрожал и мерцал, точно волны жара над раскалённой землёй. Но прежде, чем Шмаря издал хоть один звук, его лицо скрыла завеса буйного пламени. Оно поглотило его голову от кадыка до проплешины, которую он зачесывал с момента её появления. Вот тогда Шмаря и завопил – то были ужасные, горловые крики, словно кто-то бросил столовое серебро в измельчитель отходов.

Время ползло в том же ленивом темпе, и Ларри оставалось лишь наблюдать, как огонь обрабатывает плоть его напарника. Кожа Шмари всё краснела. Под действием пламени из пор выступали блестящие капли жира, и они текли по его лицу, вспыхивая от жара. Гарри начал поднимать руки, чтобы снять куртку – его разуму хватало ясности, чтобы надеяться погасить пламя прежде, чем оно причинит серьезный вред. Но только Д'Амур двинулся с места, тварь схватила его за плечё, рывком развернула и притянула к себе. Очутившись лицом к лицу с противником, Гарри увидел, как чудовище подняло всё ещё тлеющую руку и поднесло к подбородку сложенную лодочкой ладонь.

– Плюй, – сказало оно.

Голос идеально сочетался с искаженной внешностью.

Гарри никак не отреагировал.

– Слюна или кровь, – пригрозила тварь.

– Тот ещё выбор, – ответил Гарри.

Он не знал, зачем твари что-то от него понадобилось, и ему не особо нравилась сама мысль о том, что она это получит, но второй вариант был уж точно хуже первого. Он постарался собрать во рту как можно больше слюны, но подношение, упавшее на ладонь существа, оказалось весьма скудным – из-за притока адреналина его рот пересох, точно отбелённые солнцем кости.

– Ещё, – проговорила тварь.

На этот раз Гарри постарался как следует: он прошёлся по всем закоулкам рта, горла, собрал добротный сгусток спелой мокроты и смачно харкнул его на ладонь существа. Потрудился он на славу, и на этот раз вопросов не возникло: судя по грубой, безгубой улыбке на лице твари, она была очень довольна.

– Смотри, – сказал глиняный человек.

Чудовище схватилось обслюнявленными пальцами за эрегированный член.

– Смотреть? – переспросил Гарри, с отвращением глянув вниз.

– Нет! – рыкнуло чудовище. – На него. Ты и я. Смотрим на него.

С этими словами оно стало поглаживать свой стержень размашистыми, неторопливыми движениями. Другая рука твари лежала у Гарри на плече, и она развернула его к напарнику одним движением кисти – сопротивляться было бесполезно.

Гарри ужаснулся тому, сколько вреда причинил огонь его напарнику за те несколько секунд, что он смотрел в другую сторону. Шмаря преобразился до неузнаваемости: волосы полностью обгорели, и лысая голова превратилась в красно-черный шар кипящего месива; глаза полностью закрыли распухшие от жары веки; рот зиял чёрной дырой, и горящий язык торчал наружу обвиняющим перстом.

Гарри попробовал пошевелиться, но его не пустила рука, державшая его плечо каменной хваткой. Он попытался закрыть глаза, чтобы не видеть этого ужаса, но, несмотря на то, что тварь стояла позади Гарри, она почувствовала, что он ослушался его приказа. Чудовище ткнуло большим пальцем в напряженный плечевой мускул, продавив его так же легко, как человек продавливает переспелую грушу.

– Открой! – рыкнул монстр.

Гарри сделал, что было сказано. Пузыристая плоть Шмари чернела, распухшая кожа трескалась и закручивалась, оголяя мускулатуру лица.

– Да простит меня Бог, Шмаря. Да простит меня сраный Бог.

– О! – просипела тварь. – Ах ты бранливая щлюха!

На этих словах чудище разрядилось. Затем оно испустило дрожащий вздох, опять развернуло Гарри к себе и пронизало его горящими точками глаз – их взгляд ввинтился в его череп, точно два раскалённых гвоздя.

– Держись подальше от Треугольника, – сказало оно. – Понял?

– Да.

– Повтори.

– Я понял.

– Нет. Другое. Повтори, что сказал перед этим.

Гарри заиграл желваками. Всему был предел, и он чувствовал, что ещё немного, и его трусость поддастся ярости.

– Повтори, – процедило чудовище.

– Да простит меня Бог, – прошипел Гарри сквозь зубы.

– Не так. Хочу запомнить. Чтобы было, что посмаковать.

Гарри изо всех сил напряг голос, чтобы мольба прозвучала как следует, и оказалось, что это не так уж и сложно.

– Господи. Прости.

3

Гарри проснулся около полудня. Крики партнёра казались ему ближе, чем возлияния прошлого вечера. Улицы за окном милостиво молчали. Слышался только бой колокола, призывавший сохранивших веру прихожан на воскресную службу. Гарри заказал кофе и сок – их принесли, пока он был в душе. Влага уже насытила воздух, и не успел Д'Амур повесить полотенце, как его тело уже начало покрываться свежей испариной.

Он потягивал крепкий, сладкий кофе и наблюдал за людьми, сновавшими по улице двумя этажами ниже. Спешили только парочка туристов с картой, а все остальные расхаживали медленной, беззаботной походкой – горожане готовились к длинному, жаркому дню и не менее длинной и жаркой ночи.

Зазвонил телефон. Гарри снял трубку.

– Что, Норма, решила проверить, как у меня дела? – сказал он, стараясь говорить по-человечески.

– Какая догадливость, мистер детектив, – ответила Норма. – Но нет. Толку от этого? *Ты* слишком искусный лжец, Гарри Д'Амур.

– Всему у тебя научился.

– Поговори мне тут. Как отпраздновал?

– Напился…

– Тоже мне, удивил.

– … и вспомнил о былом.

– О, Господи, Гарри. Я тебе что говорила? Оставь ту гадость в покое.

– Я не звал те воспоминания.

Норма выплюнула невесёлый смешок.

– Милок, нам обоим известно, что ты родился с приглашением на лбу.

Гарри скривился.

– Я уже говорила, но повторю: что сделано – то сделано, – не унималась Норма. – Это относится и к хорошему, и к плохому. Так что смирись, иначе оно тебя с потрохами съест.

– Норма, я лишь хочу сделать дело и убраться из этого проклятого города.

– Гарри…

Но в ответ послышались одни гудки.

Норма надула губы и повесила трубку. Она знала, чего ждать от Гарри Д'Амура, но это не значило, что она привыкла к его образу мрачного мученика. Да, аномалии находили Гарри, куда бы он ни отправился, но и на это можно было найти управу, ведь главное – это желание. Правда, Гарри Д'Амур даже не пытался, ведь ему нравилась его работа, и Норма об этом знала. Но, что более важно, он был чертовски хорош в своём деле, и пока у него всё получалось, Норма прощала ему любые проступки.

Норма Пэйн была слепой чернокожей женщиной. Она всем говорила, что ей шестьдесят три года, хотя в действительности ей было восемьдесят, а то и больше. Норма сидела в любимом кресле у окна на пятнадцатом этаже. Именно на этом месте последние лет сорок она ежедневно проводила двенадцать часов в разговорах с мертвецами. Свои услуги она предоставляла недавно усопшим, которые, как ей было известно, часто пребывали в смятении и чувствовали себя потерянными, напуганными. Она видела их мысленным взором ещё с младенчества.

Норма родилась слепой, и её шокировали вести о том, что кроткие лица, заглядывавшие в её колыбель, принадлежали не родителям, а любопытным усопшим. Она считала, что ей повезло, ведь слепота была не полной – просто она видела не тот мир, что большинство людей. Благодаря этому у неё появилась уникальная возможность как-то помочь обитавшим в потусторонности.

Как-то так получалось, что если в Нью-Йорке кто-то умирал и не знал, что с этим делать, рано или поздно эта душа находила Норму. Бывали вечера, когда очередь фантомов растягивалась на полквартала и больше, а бывало, что являлась лишь дюжина или около того. Иногда растерянные фантомы становились такими назойливыми, что Норма включала все сто три телевизора – звук был приглушен, и на каждом экране мелькали передачи разных каналов, транслируя смесь из мыльных опер, спортивных передач, прогнозов погоды, скандалов, трагедий и прочих банальностей современного Вавилона – так она прогоняла непрошеных гостей.

Деятельность Нормы по консультированию недавно усопших редко пересекалась с расследованиями Гарри, но для всего правила есть исключения, и дело Карстона Гуда было одно из них. Гуд жил так, чтобы люди видели хорошее не только в его фамилии, но и в его поступках. Он был семьянином, женившимся на своей школьной любви. Он, его жена и пятёрка их детей жили в Нью-Йорке, и денег у них было с лихвой – всё благодаря Гуду и его гонорарам юриста, парочке удачных вложений и непоколебимой вере в щедрость Господа Бога. Как часто говаривал Гуд, Всевышний любит помогать тем, кто любит Его. По крайней мере, говаривал, пока восемь дней тому назад его порядочная, набожная жизнь не полетела в тартарары.

Карстон Гуд шел к себе на Лексингтон-авеню, и тем погожим утром он чувствовал себя вдвое моложе – так ему не терпелось окунуться в рабочую атмосферу своего офиса. Но тут из толпы ранних пташек к нему метнулся какой-то молодчик, выхватил дипломат прямо из руки и рванул прочь. Мужчины потщедушней позвали бы на помощь, но Карлтон Гуд был в лучшей физической форме, чем большинство людей его возраста. Он не пил, не курил, четыре раза в неделю ходил в спортзал и держал в узде любовь к красному мясу. Однако ничто из этого не уберегло его от сердечного удара, хватившего его в тот миг, когда он бежал всего в двух-трёх шагах от вора.

Гуд был мёртв, и смерть ему по душе не пришлась. Не просто потому, что его возлюбленной Патриции предстояло в одиночку воспитывать их детей, или что ему уже не издать книгу откровений о жизни и секретах юриспруденции, которую он обещал себе написать каждый новый год последние лет десять.

Нет. По-настоящему мёртвого Гуда беспокоил домик во французском квартале Нового Орлеана. Патриция не знала об этом имуществе. Гуд тщательно скрывал факты о существовании того дома. Но он не принял во внимание фактор того, что может замертво свалиться посреди улицы без малейшего предупреждения. Теперь же он столкнулся с неотвратимым разрушением всей конспирации.

Рано или поздно кто-то (может, Присцилла возьмётся перебирать содержимое ящиков его стола, или же кто-то из его коллег будет прилежно приводить в порядок неоконченные дела фирмы Гуда) встретит упоминания о доме на Дюпон-стрит в Луизиане, выяснит владельца, и окажется, что это Карстон. Затем они поедут в Новый Орлеан и проведают о таившихся в доме секретах – это было лишь делом времени. А уж секретов там хранилось в достатке.

Однако Карстон Гуд решил не принимать этого, сложа руки. Как только он приспособился к менее материальному состоянию, Карстон разобрался, как работает система Потустороньея. Применив юридические навыки, он вскоре проскользнул мимо длинной очереди и оказался в присутствии женщины, которая, если верить слухам, могла решить его проблемы.

– Вы Норма Пэйн? – спросил он.

– Верно.

– Зачем вам столько телевизоров? Вы же слепы.

– А вы – грубы. Надо же, чем крупней задира, тем меньше его член.

У Карстона отвисла челюсть.

– Вы меня видите?

– К сожалению, да.

Карстон глянул вниз, на своё тело. Как и все привидения, встреченные им после смерти, он был наг. Его руки инстинктивно мгновенно метнулись к вялому пенису.

– Не будем пререкаться. Послушайте, у меня есть деньги, так что…

Норма поднялась с кресла и пошла прямо на Гуда.

– Каждую ночь заявляется какая-то дохлая падла, которая думает, что может купить пропуск в Рай, – пробормотала она себе под нос, а затем взглянула на Гуда. – Когда моя мама узнала, что у меня есть этот дар, она тут же научила меня одному фокусу. Он называется Толкни Призрака.

Ладонью левой руки она толкнула Гуда в центр груди. Он потерял равновесие и попятился.

– Как вы?..

– Еще два толчка и тебе конец.

– Пожалуйста! Выслушайте меня!

Норма толкнула его ещё раз.

– И последний. Скажи «доброй ночи»…

– Мне нужно поговорить с Гарри Д'Амуром.

Норма замерла на месте.

– У тебя есть минута, чтобы заставить меня передумать.

4

– Гарри Д'Амур. Он же частный детектив, так? Мне сказали, что вы с ним знакомы.

– И что, если так?

– Я остро нуждаюсь в его услугах. И, как я уже сказал, цена – не вопрос. Я бы предпочёл поговорить с Д'Амуром лично. Естественно, после того, как он подпишет договор о конфиденциальности.

Норма захохотала.

– Я все никак… никак… – пыталась она говорить сквозь неудержимый смех, – никак не перестану… не перестану удивляться… сколько абсурдной чуши могут на полном серьёзе выдавать типы вроде тебя. На случай, если ты не заметил, мистер юрист – ты сейчас не в своём офисе. Без толку цепляться за свои секретики, ведь всё, что ты можешь с ними сделать – это засунуть себе в задницу. Так что выкладывай, иначе придется искать другого экстрасенса.

– Окей. Окей. Только… только не прогоняйте меня. Вот вся правда: мне принадлежит дом в Новом Орлеане.

Никакой роскоши, простое убежище, где можно отдохнуть от… от обязательств семейной жизни.

– О, наслушалась я таких баек. И чем же ты занимался в том домике?

– Развлекал.

– Естественно. Чем бы ты ещё занимался. И кого же ты развлекал?

– Мужчин. Молодых мужчин. Совершеннолетних, конечно же. Но всё равно довольно юных. И это не то, что вы подумали. Без наркотиков. Без насилия. Мы собирались и занимались… магией, – разговаривал он тихо, словно боялся, что его услышат. – Ничего серьезного. Просто всякая чепуха, о которой я вычитал из старых книжек. Это придавало остроты.

– Но я всё ещё не услышала достойной причины тебе помочь. Ну, вёл ты тайную жизнь. Ну, умер, и теперь люди всё про тебя узнают. Ты ведь сам выложил себе такое ложе. Смирись с тем, чем ты был, и двигайся дальше.

– Нет. Вы меня неправильно поняли. Я ничего не стыжусь. Да, сперва я не признавался себе в том, что я за человек, но я примирился с собой много лет назад. Вот тогда я и купил этот дом. Срать я хотел на то, что думают люди, или что после меня останется. Я мёртв. Какое мне теперь до этого дело?

– Впервые за вечер слышу от тебя разумные слова.

– Ну, да, тут не поспоришь. Но, как я уже говорил, проблема не в этом. Мне дорог каждый миг, проведённый в том доме. Проблема в том, что я люблю и свою жену. До сих пор люблю. Я даже не пытаюсь представить, что будет, если ей всё откроется. Ведь я знаю, что её это уничтожит. Вот почему мне нужна ваша помощь. Я не хочу, чтобы она, мой лучший друг, умерла с мыслью, что не знала меня настоящего. Яне хочу, чтобы наши дети пострадали от причинённого ей горя и моих… измен. Я должен убедиться, что с ними всё будет хорошо.

– Твой рассказ почти убедил меня в том, что под кожей лжеца и юриста скрывается порядочный человек.

– То есть, вы мне поможете? – спросил Гуд, не поднимая головы.

– Я с ним поговорю.

– Когда?

– Господи, ну и нетерпелив же ты.

– Слушайте, мне очень жаль. Но с каждым часом шансы того, что Патриция – так зовут мою жену – что-то найдет, растут. И как только это случится, начнутся расспросы.

– Ты когда умер?

– Восемь дней назад.

– Ну, если твоя обожаемая жена любит тебя так, как ты говоришь, логично будет предположить, что она скорбит и ей вовсе не до твоих бумаг.

– Скорбит, – повторил Гуд таким голосом, словно мысль о том, что его кончина могла вызвать у его жены душевную боль, пришла к нему только сейчас.

– Да, скорбит. Судя по всему, дома ты так и не побывал.

Адвокат покачал головой.

– Не смог. Боялся. И до сих пор боюсь. Боюсь того, что могу увидеть.

– Как я уже сказала, посмотрю, что можно сделать. Но никаких обещаний. Гарри – занятой человек. И уставший, хотя сам он в этом никогда не признается. Имей в виду: я пекусь о его благосостоянии так, как о своём собственном. Если дела в Новом Орлеане пойдут наперекосяк потому, что ты что-то утаил, выкладывай всё прямо сейчас, иначе толпа живых мертвецов отловит твою белоснежную шкуру и повесит её на столбе на Таймс-сквер – будешь болтаться до самого Судного дня. Понял?

– Да, мисс Пэйн.

– Карстон, для тебя просто Норма.

– Как вы?..

– Ой, да прекрати. Тебя, голожопого мертвяка, вижу, а имени, что ли, не узнаю?

– А, ну да.

– А ты думал. Значит, вот как мы поступим. Приходи завтра вечером, но не сильно поздно. Я буду не так занята. Посмотрю, получится убедить Гарри прийти или нет.

– Норма? – пробормотал Карстон.

– Да?

– Спасибо вам.

– Можешь пока не благодарить. Когда нанимаешь Гарри Д'Амура, очень часто дела… усложняются.

5

Назначенная встреча прошло довольно гладко. Мёртвый мистер Гуд дал Гарри номер камеры хранения, забитой наличкой («для расходов, о которых моему бухгалтеру лучше не знать»). Д'Амуру разрешалось брать, сколько угодно денег – средств там должно было хватить и на гонорар, и на перелёт, и на отель, и на «денежную смазку» при непредвиденных обстоятельствах. И вот Гарри уже стоит на тротуаре перед Домом Порока, убежищем Карстона Гуда.

Снаружи смотреть было не на что. Неприметная кованая калитка, рядом с которой в двенадцатифутовую[10]стену вмуровали бело-синюю керамическую плитку с номером дома. Карстон предоставил Гарри детальное описание находившихся внутри компрометирующих игрушек, но добыть ключи он оказался не в состоянии. Гарри сказал призраку, чтобы тот не волновался. Д'Амур ещё не встречал замка, которого бы не смог открыть.

Сноровка не подкачала: через десять секунд калитка отворилась, и Гарри направился к дому по извилистой, мощёной дорожке, с обеих сторон окаймлённой горшками всевозможных форм и размеров. Смесь ароматов была такой мощной, словно во дворе разбили с дюжину бутылочек с духами. Гарри заметил, что за садом Гуда уже давно никто не ухаживал. Земля осклизла от гниющих цветов, и многие растения в горшках увяли без должного внимания. Запущенность места удивила Гарри. Такой собранный человек, как Гуд, уж точно бы похлопотал, чтобы его сад смотрелся ухоженно и красиво, даже когда он не мог им любоваться. Что же случилось с садовником?

Гарри сделал ещё четыре шага и, очутившись перед парадным входом, получил ответ на свой вопрос. На дверь приколотили множество фетишей – всего тридцать с лишним: среди них было несколько прозрачных бутылочек (внутри плавали клочки черт знает чего) и глиняная фигурка человека, чьи член с яйцами привязали к голове умащёнными клеем нитками. Гениталии висели так, что яички могли сойти за глаза, а пенис казался торчащим, макнутым во что-то красное носом.

Уже не впервые за эту командировку Гарри оглянулся вокруг, высматривая намёк на присутствие духа своего нанимателя. Д'Амур часто бывал в компании фантомов и знал, что искать: аномалии в движении теней, тихое жужжание или же молчание находившихся поблизости животных. Но в залитом солнцем саду Гарри не ощущал ничего, что бы намекало на присутствие Гуда. Какая жалость. Предстоящая миссия по зачистке была бы куда веселей, если бы Гарри знал, что владелец Дома Порока за всем наблюдает.

Порог дома перечёркивала толстая линия засохшей крови, и нижняя половина двери была исчерчена следами от предсмертных корчей жертвенного животного. Гарри опять достал отмычку и быстро открыл два замка.

– Тук-тук, – пробормотал он и провернул ручку.

Дверь скрипнула, но с места не сдвинулась. Гарри повернул ручку туда-сюда, убедился, что она работает, и поднажал плечом, навалившись на дверь всеми девяноста семью фунтами[11] своего веса. Он раздавил несколько фетишей, и из них пахнуло запахом их содержимого – смесью затхлого ладана и гнилой плоти. Гарри задержал дыхание и налёг на дверь.

Снова заскрипело, затем послышался громкий треск, эхом отскочивший от стен забора, и дверь распахнулась внутрь. Гарри отскочил от фетишей и вдохнул. Воздух внутри был чище, чем снаружи. Да, чувствовалась затхлость, но сигнализация в голове не срабатывала. Гарри замер – зазвонил телефон. Он достал гаджет из кармана и ответил на звонок.

---

[10] 12 футов = 367 см.

[11] 197 фунтов = 89,4 кг.

– Поразительно. Какое бы дело мы с тобой не вели, ты всегда звонишь, когда я оказываюсь…

– В говне?

– Нет, Норма. В каком-то доме. Я только что переступил порог дома. И ты об этом знала. Всегда знаешь.

– Наверное, везёт, – сказала Норма. – Так что у нас там, гнездо содомии и разврата?

– Нет, но день только начался.

– Тебе уже лучше?

– Ну, я съел пару булочек и выпил три чашки превосходнейшего кофе, что я когда-либо пробовал. Так что да, готов приступать.

– Значит, не буду мешать.

– Вообще-то у меня к тебе вопрос. Тут входную дверь утыкали фетишами – баночки с какой-то хернёй, глиняный человек с отчекрыженным членом и кровь на пороге.

– И?

– Есть предположения, к чему это?

– У разных фетишей разные свойства. Судя по всему, кто-то пытается от чего-то отгородиться и удержать что-то внутри. Как они с виду, свежие?

– Судя по крови, им с неделю.

– Значит, это не Гуда рук дело.

– Точно не его. Более того, прибамбасы делал не кто попало. Как думаешь, Гуд мог заниматься здесь серьёзной магией?

– Сомневаюсь. Если верить его рассказам, он прибегал к магии лишь для того, чтобы гостей раздеть. Он мог пустить кровь курице или начеркать несколько липовых сигилл, чтобы было веселей, но не думаю, что он заходил дальше. И всё равно будь осторожен. У них там другие порядки. Вуду – дерьмо ещё то.

– Ага, и кажется, я на него наступил.

На этом разговор их окончился. Гарри вернул телефон в карман и приступил к поискам.

6

Прошло не больше минуты, как Гарри повесил трубку, когда, прочёсывая три комнатки на нижнем этаже, он обнаружил на кухне участок морозного воздуха, указывавший на явное присутствие какой-то потусторонней сущности. Гарри не сбежал, и пускай ему было известно порядка дюжины отворотов, звучавших для нечисти, как «нахуй с дороги», он не прибегнул к их помощи. Вместо этого он замер на месте, выдыхая клубы густого белого пара, которые тут же подхватывал круживший вокруг него холодный воздух.

Когда Гарри разочаровался в силе закона и ушел из полиции, он принялся искать другую защиту. Расспросы привели его к человеку по имени Кез Кинг – татуировщику, славившемуся знаниями мистической символики. Кез занимался тем, что набивал на тела клиентов визуальную защиту от тёмных сил.

Получив указания, Кез попытался нанести на тело Гарри все сигнализации из своего арсенала – они должны были предупреждать Гарри о присутствии любой нечеловеческой формы жизни. Кез трудился на совесть, и вскорости символы и коды уже боролись за пустое место на коже Д'Амура. Но, что лучше всего, сигнализации работали. Вот и сейчас Гарри почувствовал, как задергалась одна из опознавательных татуировочек: она подсказала ему, что невидимый холод был сущностью по имени Стринг Ярт – безвредная, нервная тварь. Изучавшие Ярта маги писали, что с виду он походил на обезьяну из небрежно обработанной эктоплазмы.

– Не лезь, Ярт, – предупредил Гарри.

Первые два слова оживили сложный узор на его груди – Кез набивал его целый месяц. Рисунок должен был работать, как универсальный репеллент, и с задачей он справлялся превосходно.

Гарри почувствовал, как нагрелись чернила под его кожей, а затем холодный воздух внезапно отринул. Д'Амур подождал несколько секунд на тот случай, если какая другая сущность пожелает себя проявить, но ничего не случилось. Потратив на обыски кухни минуты три, Гарри не обнаружил ничего хоть сколько-нибудь интересного и отправился осматривать две другие комнаты на этаже. В одном помещении стоял обеденный стол – отполированный, но сильно исцарапанный. Под каждым углом столешницы имелись металлические крюки. Гарри предположил, что их прикрутили затем, чтобы Гуду было легче привязывать любовников к столу. Больше ему не попалось ничего, с чем бы пришлось разобраться перед уходом.

Другое дело – второй этаж. Наверху, в первой же из трёх спален, оказалось четырёхфутовое изваяние сатира в состоянии крайнего полового возбуждения – скульптор замечательно уловил непристойную игривость его намерений. Вскоре стало ясно, что Каретой питал страсть к эротическому антиквариату.

На одной стене этой же комнаты висела коллекция открытых китайских вееров, каждый из которых украшали рисунки вычурных, акробатических оргий. Остальные стены пестрели другой антикварной эротикой – на них красовались гравюры, иллюстрировавшие порнографический пересказ Ветхого Завета, и крупный фрагмент фриза, на котором замысловато переплелись многочисленные любовники.

Из мебели в комнате имелись двойная кровать с одним лишь запятнанным матрацем и комод с обычной одеждой и парочкой писем – Гарри прикарманил их не читая. В глубине среднего ящика нашёлся ещё один конверт. В нём лежала всего одна вещь – фотография с людьми у бассейна, которых Гарри принял за семью Гуда – замороженный во времени миг счастливых времён.

Наконец-то Гарри узнал, как выглядел его заказчик – непринуждённая улыбка, к боку прижимает радостную жену. Дети (трое девочек и два мальчика) казались счастливыми, как и их родители. Да, несомненно, Гуду тогда хорошо жилось. И сколько бы Гарри не всматривался

в физиономию отца семейства, признаков скрытности рассмотреть он не мог. Все морщины на лице Гуда проложил смех. Глаза смотрели в объектив без тени зажатости.

Гарри оставил фотографию на комоде будущих посетителей дома и двинулся в следующую комнату. Там царила тьма. Гарри остановился на пороге и нашарил выключатель.

То, что Гарри успел посмотреть в этом доме, не подготовило его к зрелищу, открывшемуся в свете одинокой лампочки. Наконец-то нашлось, о чём рассказать Норме: посреди комнаты раскачивалось кожаное сиденье, подвешенное к потолку на грубых веревках. Это был чёрный гамак, сработанный специально для любителей полежать с растопыренными ногами.

Окна в комнате запечатали плотной тканью. На полу лежала обстоятельная коллекция секс-игрушек: фалло-имитаторы всевозможных размеров (от устрашающих до вовсе немыслимых), плети, кнуты, старомодные трости, два противогаза, мотки верёвки, пластиковые цилиндры с резиновыми шлангочками, винтовые зажимы и ещё с дюжина предметов, напоминавших экзотические хирургические инструменты.

Всё было безупречно чисто. В воздухе даже чувствовался еловый душок моющего средства. И всё же какими бы странными и жестокими не были проводившиеся здесь церемонии насилия и боли, они не оставили после себя ничего, что бы насторожило татуировки Д'Амура. Комната была чистой – как в санитарном, так и в метафизическом планах.

– Теперь, мистер Гуд, я понимаю ваше беспокойство, – пробормотал Гарри, обращаясь к отсутствующему создателю этой комнаты злачных возможностей.

Предвкушая новые и более пышные свидетельства прелюбодеяний Гуда, Д'Амур отправился в следующую комнату. Он открыл единственную дверь в доме с вырезанными на ней сигиллами. Гарри не знал, удерживали они что-то внутри или же наоборот, отпугивали незваных гостей, но он был уверен, что вскорости получит ответ. Он включил свет, и комнату осветила лампочка на ободранном проводе. По сравнению с предыдущим помещением, здесь царило приличие. Окна так же не пропускали свет – как и всю комнату, их покрывала светло-серая краска.

Как только Гарри переступил порог, его татуировки предупреждающе дёрнулись. За многие годы он научился истолковывать самые незначительные различия в подобных сигналах. Это предупреждение было сравнимо с миганием янтарно-желтого маячка. Оно подсказывало Д'Амуру, что здесь занимались какими-то магическими практиками. Но где же доказательства? В комнате стояло два простых деревянных стула и миска, чье содержимое напоминало сухие остатки собачьей еды. По коричневым сгусткам лениво ползало несколько мух.

Голые доски и затемнённые окна явно свидетельствовали о том, что комната предназначалась для магических занятий. Как только Гарри осмотрел помещение, он обратил внимание на две странности в планировке комнаты: окно по правую руку находилось слишком близко к углу – это означало, что либо архитектор плохо справился с работой, либо в какой-то момент комнату укоротили, поставили ещё одну стену и создали узкое, сокрытое от глаз пространство.

Гарри подошел к стене и попытался рассмотреть тайный ход. Всё больше татуировок сигнализировало, что игра в призрачного Марко Поло ему удавалась – теплее, ещё теплее… Гарри опустил взгляд на ладонь левой руки, где Кез вытатуировал Сигиллу Искателя. На мгновение Гарри перенесся на 11-е авеню и вместо своей руки увидел пятерню демона.

«Плюй!» – запрыгал меж стен клаустрофобического помещения приказ из прошлого.

– Отъебись, – процедил Гарри, отмахнулся от видения и прижал татуированную руку к стене.

Вот теперь он напал на след чего-то стоящего. Минуя медлительность мыслительного процесса, безмолвный импульс завладел рукой Гарри и повел её по стене. Пальцы спускались всё ниже, пока мизинец не упёрся в пол. Гарри почувствовал, как ожила, завибрировала Сигилла Искателя у невидимой цели – охота близилась к завершению. На серой краске имелось тёмное, едва выделявшееся на фоне стены пятно. Не успел Гарри отреагировать, как его

рука приказала среднему пальцу совершить последнюю манипуляцию. Он легонько надавил на отметину, тихонечко щёлкнуло, и Гарри пришлось отступить назад – провернулись бесшумные петли, и распахнулась тайная, хитро замаскированная серой краской дверь.

Очевидно, мистер Гуд скрывал в доме не только обширную коллекцию игрушек. Гарри испытал абсурдное удовольствие от находки и шагнул в комнатку посмотреть, что же ему попалось. Как и все предыдущие комнаты, освещала её лишь голая лампочка, и пускай в тех помещениях Гарри не попалось ничего особо интересного, этот узкий проход хранил любопытнейшие секреты.

Одну стену посвятили книгам, и в воздухе стоял аромат их древности. За шесть лет ученичества в католической школе для мальчиков имени Святого Доминика Гарри возненавидел этот запах. Он навевал слишком много непрошеных воспоминаний об обыденной жестокости, царившей в том месте. Естественно, имели место быть пресловутые удары линейкой по пальцам и трости – по голым ягодицам, однако аппетиты многих представителей школьного коллектива не усмиряла одна лишь порка. У каждого святого отца имелся личный фаворит. Но Гарри с этими частными уроками пронесло. Он оказался слишком брыкливым, и отцам было лень с ним мучиться.

Но, как говорится, обиженные люди обижают других, и ученики сами играли в разные версии той же игры. Пару раз Гарри довелось побывать жертвой их проказ, и случалось это в библиотеке. Отец Эдгар, главный библиотекарь, часто оставлял стол регистратуры – требовалось продемонстрировать должникам с просроченными книгами твёрдость руки Господней. Там, меж книжных стеллажей, сильнейший насиловал слабого, и там, с головой, прижатой к полу, Гарри терпел надругательства над своим телом и вырабатывал ненависть к духу старых книг.

Отмахнувшись от запаха и незваных воспоминаний, Гарри быстро осмотрел библиотеку Карстона Гуда, останавливая взгляд лишь на самых любопытных образчиках коллекции. Небольшое, но всё же впечатляющее собрание книг включало: «Обретение карапакса» – серию томов, которые, несомненно, довели до смерти больше неосторожных колдунов, чем любая другая книга на густо уставленных полках; два тоненьких томика от безымянных авторов оказались иллюстрированными пособиями по самоубийству; несколько книг по сексуальной магике (Гарри предположил, что «к» в слове «магия» намёкало на изыскания в этой области Алистера Кроули[12]); «Фрей-Кистиандт: Диалоги» – гримуар, якобы существовавший лишь в одном экземпляре (том самом, который он держал в руках). Как гласила легенда, «Диалоги» нашли в прахе Йедлина, флорентийского гения, сожженного во время одного из рейдов Савонаролы[13].

Любопытство Гарри не умалило его желания проверить правдивость молвы. Он поднёс к лицу раскрытую книгу и глубоко вдохнул. Бумага пахла огнём.

Внезапно Гарри увидел лицо Шмари – горящие глаза лопнули и потекли по щекам. Д'Амур захлопнул книжку и решил, что на коллекцию Гуда он насмотрелся.

Он оторвал взгляд от книжных полок и глянул на другую стену. Она также была увешана рядами полок. Здесь царили предметы, к которым Гуд прибегал, когда требовалось настроить молодых и впечатлительных гостей на нужный лад: свечи из чёрного и красного воска, изготовленные в форме фаллосов; ряд украшенных разноцветным бисером бутылочек с чем-то спиртным – Гарри откупорил несколько, и от запаха у него защипало глаза. Кое-что пахло

---

[12] Магика («magick») – термин, придуманный Алистером Кроули с целью разграничения магии и иллюзионизма, который тоже порой называют «магией». Магика Кроули – система практик, совмещающая в себе обыденные действия и ритуальную магию, призванная открыть человеку «его истинную волю».

[13] Джироламо Савонарола (1452–1498) – итальянский монах и реформатор 1494–1498 гг., организовавший чистки по изъятию греховных предметов искусства и обихода – игральных карт, музыкальных инструментов, книг и богатых нарядов. Сожжения получили прозвище «костров тщеславия».

виски или бренди, но присутствовал запах и секретных, добавленных Гудом ингредиентов. От одних бутылочек несло травами, от других – химией. Лишь одному Богу было известно, что за лекарства растворил Гуд в этих чудодейственных снадобьях. Скорей всего, транквилизаторы с примесью молотых таблеток от импотенции.

Конечно же, всему этому добру надлежало исчезнуть – ровно, как и чашам с белым порошком (Гарри решил, что это кокаин) и шеренгам маленьких куколок, занимавшим большинство полок. К головам фигурок прикололи вырезки из фотографий с изображениями молодых мужчин, а ниже к их гениталиям прикрепили аналогичный ряд вырезок – на этот раз с половыми органами. Гарри сосчитал куколок. Всего двадцать шесть. По его предположению, перед ним было олицетворение гарема Карстона Гуда. Прежде чем придать их пламени, Гарри придётся проконсультироваться у местного эксперта в подобных фетишах, иначе кто мог гарантировать, что все двадцать шесть юношей не превратятся в пепел?

Исследовав верхние полки, Гарри присел, хрустнув коленями, и принялся изучать средние полки. На них стояло несколько крупных закатанных банок. Но содержимое этих сосудов было далеко не так безобидно, как черничный джем или маринованный лук. В жидкости, бывшей, скорей всего, формальдегидом, содержалась мертвечина – какая-то аномального характера (двухголовая крыса, жаба-альбинос с красными глазами), какая-то – сексуального (человеческий пенис; банка, заполненная яичками, походившими на розоватые куриные яйца; зародыш с пенисом такой длины, что её хватило бы обмотать шею эмбриона). Отдельные экземпляры просто сгнили или разложились в бальзамирующей жидкости, и в мутной жиже виднелись лишь хрящеватые ошмётки. Гарри предстояло проконсультироваться с местными знатоками и на сей счет.

Судя по открывшейся тайной коллекции, заинтересованность Гуда магией простиралась дальше театральных фокусов, призванных лишь раздеть кучку гостей. Конечно, заспиртованные мутанты добавят очков любой постановочной церемонии, но это не объясняло библиотеку или ряд кукол с пришпиленными к ним портретами.

Гарри опустился на колени, чтобы исследовать тенистые закрома нижних полок. Там громоздились другие баночки, но позади них Д'Амур нащупал что-то совершенно иное. Этим предметом оказалась маленькая шкатулка дюйма четыре в диаметре. Все шесть её граней покрывало травлёное витиеватыми узорами золото.

В тот же миг, как Гарри достал шкатулку на свет, он догадался, что было в его руках – головоломка, предмет ценней и опасней всех остальных экземпляров коллекции Туда, вместе взятых.

7

Руки Гарри исследовали поверхность шкатулки без его указаний – ими двигало желание познакомиться с вещицей. Головоломка пропустила через его пытливые пальцы серию импульсов, и по телу Гарри прокатилась приятная, тёплая волна. Позволив Д'Амуру распробовать себя, ощущение внезапно схлынуло, оставив лишь неприятную пустоту. Гарри попытался повторить те же движения, однако блаженство не хотело возвращаться. Д'Амур слышал, что получить ещё одну дозу можно только раскрыв загадку шкатулки.

Гарри поднялся и прислонился к книжным полкам, чтобы получше рассмотреть блестящее устройство. Впервые он увидел одно из них воочию. Эти головоломки назвали именем их французского создателя, потому известны они были, как шкатулки Лемаршана. Однако в кругах более осведомлённых их прозвали Конфигурациями Мук, и это было куда ближе к истине. В неизвестном количестве рассеялись они по всему миру. Какие-то шкатулки выжидали в убежище, другие же проказничали в гуще человеческих афер и желаний, собирая кошмарный урожай. Решить головоломку означало открыть дверь в Ад – по крайней мере, так гласили легенды. То, что большинство жертв были невинными людьми и находили шкатулки по чистой случайности, не имело для Ада и его инфернальных посланников ни малейшего значения. В конце концов, душа есть душа.

Хотя Д'Амур знал обо всех опасностях, таившихся в Конфигурации Мук, он не мог убедить себя вернуть её за баночки с препаратами. Гарри позволил угасающему удовольствию в кончиках пальцев ещё раз погладить шкатулку. Тот мимолётный контакт с блаженством, таившемся в Конфигурации, очаровал его, и пальцы не могли позабыть сладостное ощущение – точно повстречав старого друга, руки исследовали головоломку сами по себе.

Гарри наблюдал за этими манипуляциями и чувствовал себя удивительно далеко от лихорадочных движений пальцев и ещё дальше – от возможных последствий. Он говорил себе, что может в любой момент всё прекратить, но зачем останавливаться так рано, когда через пальцы и руки его усталому организму передаётся подобное удовольствие? Ему вполне хватит времени, чтобы остановиться прежде, чем он окажется в опасной близости от разгадки. Почему бы тем временем не насладиться панацеей шкатулки? Ведь уходит боль в суставах, спине и кровь приливает к чреслам…

В тот миг навязчивые воспоминания о Шмаре, унижения в школе святого Доминика и призраки множества прошлых жизней не причиняли Гарри ни малейшей боли. Сорвавшиеся с поводка мысли твердили ему, что все они являлись частью узора, как и рисунок на гранях шкатулки Лемаршана, и со временем всё идеально впишется в общий замысел. Внезапно шкатулка слегка завибрировала, и Гарри собрался с мыслями, чтобы понять суть в находившейся в его руках силы. Она скрывалась от него, укутывая своё мрачное предназначение в аппетитную обёртку удовольствий и подстреканий, и он это чувствовал.

«Положи», – приказал он себе. Но его тело так долго лишали удовольствий (какая-то кальвинистская черта его характера отрицала всё, что подразумевало потакание своим желаниям, ведь Гарри боялся, что это могло ослабить его перед предстоящей великой битвой, которая могла разразиться в любой день), что блаженство в костном мозге пальцев моментально сбило его с узкого пути праведника.

Короче говоря, он не положил шкатулку, а продолжил исследовать её почти нежными прикосновениями. Загадка поддавалась ему с такой легкостью, что в его мыслях забрезжила подозрительность. Она продемонстрировала ему свои внутренности – они оказались разукрашенными так же замысловато, как и шесть её внешних граней. Теперь его пальцам не составляло труда находить нужные точки. Они скользили, нажимали, гладили, и при каждой стиму-

ляции шкатулка расцветала всё больше: стенки её смещались, открывая внутренний лабиринт буйно цветущих механизмов.

Головоломка почти околдовала, но тут его внезапно укутало облаком студёного воздуха. Пот на спине и лбу Гарри превратился в холодную плёнку. Чары тут же развеялись. Пальцы Д'Амура разжались (на этот раз по его приказу) и упустили шкатулку наземь. Она ударилась о пол с удивительным звуком – в узком проходе громыхнуло так, будто упало что-то большое. Вернулся Стринг Ярт.

– О, да чтоб тебя, – проворчал Гарри.

К его удивлению, последовал ответ. Две баночки на верхней полке опрокинулись, упали вниз и разбились. Призрачный гость нагнал на Д'Амура такой холод, что у него застучали зубы.

– Не. Лезь. Ярт, – процедил Гарри.

Холодный воздух развеялся. Как только Ярт подчинился приказу, снизу послышалась банальная, металлическая мелодия. Её источником была Конфигурация Мук, поблёскивавшая среди разбитых баночек да их полуразложившегося содержимого.

– Что за чёрт?..

Вот к чему Гуд пытался привлечь его внимание. Да, шкатулка выпала из его рук, но проклятая вещица взяла обязанность по решению загадки на себя. Очевидно, легенды были не до конца правдивы – для Гарри эта деталь стала новостью. Во всех историях о Конфигурации говорилось, что жертвы подписывали себе смертный приговор тем, что сами решали головоломку.

– Разве эти штуковины раскрываются сами? – спросил Гарри у воздуха.

Несколько мелких баночек перестукнулось.

– И что бы это значило?

Призрак пронёсся по книжным полкам. Каждый третий-четвёртый том полетел на пол.

– Не знаю, что ты пытаешься мне сказать…

Гарри осёкся – на его вопрос как раз отвечали. И ответом было «да». Шкатулка и правда решала свою же загадку. Выдвигались всё новые элементы её внутреннего устройства. Шкатулка приподнялась на них, но поскольку возникшие выступы были ассиметричны-ми, головоломка опрокинулась набок. Теперь у неё появился простор, чтобы началась следующая стадия самораскрытия: верхняя грань разошлась на три части, испустив ощутимую волну энергии. В воздухе возник запашок прокисшего молока.

Элементы шкатулки двигались всё быстрее, и, глянув вниз на то, какие фокусы она выделывает, Гарри решил, что пришло время закончить игру. Он поднял ногу и опустил её на головоломку. Но шкатулка не сломалась. Не потому, что Д'Амуру не хватило сил, а благодаря защитному механизму, о котором Гарри даже не предполагал – когда его нога оказалась меньше, чем в дюйме от шкатулки, она миновала её, скользнув, точно резиновая подошва на мокром камне. Он попробовал ещё раз, но потерпел очередное поражение.

– Вот срань, – сказал Гарри и удивился неожиданному беспокойству в собственном голосе.

Ему оставался лишь вариант убраться из дома прежде, чем за уловом явится рыбак, забросивший эту блестящую приманку. Он переступил через коробку, которая продолжала раскрывать собственные загадки. Гарри принял это, как верный признак того, что дверь в Ад ещё не открылась. Но не успел он утешиться этой мыслью, как стены в проходе затряслись. За считаные секунды мелкая дрожь возросла до могучих ударов, со всех сторон обрушившихся снаружи на стены тайника. Вниз полетели предметы, с которыми не успел разобраться призрак Гуда – на пол посыпались остатки книг, баночки с препаратами и другие странности из коллекции мертвеца.

Стены, на которых крепились полки, растрескались от пола до потока, и сквозь разломы пробились лучи холодного света. Гарри по опыту знал природу этого света, и кто обретался в

его компании. Обычный зевака назвал бы сияние голубым, но такая характеристика была бы лишена всех нюансов – свет лучился чумной бледностью цвета скорби и отчаяния.

Гарри не нужно было полагаться на Нечесабельный Зуд, ведь все творения Кеза сходили с ума – каждая татуировка пульсировала и зудела, тем самым говоря Д'Амуру, что ему бы лучше убраться куда подальше. Он прислушался к их совету и двинулся через завал фетишей обратно к выходу. Но на мгновение любопытство взяло верх, и Гарри остановился, чтобы заглянуть в образовавшийся справа в стене разлом.

Зазор был, по меньшей мере, полтора фута шириной и всё увеличивался. В портал между мирами собирались прорваться невообразимые ужасы, и Гарри хотел взглянуть на них хотя бы одним глазком – этого ему бы хватило на ещё одну, столь неожиданно смачную побасёнку для Нормы.

Но к удивлению и лёгкому разочарованию Д'Амура, демонов было не видать. Сквозь увеличивавшийся разлом в стене просматривался лишь необъятный пейзаж. Гарри метнул взгляд на остальные щели, но в них виднелся всё тот же мёртвый, холодный свет. С той стороны слышался лишь вой сурового ветра – он дул над пустошью, подхватывая с земли всякий мусор: пластиковые пакеты, листки грязной бумаги, коричневую пыль – ничего особо инфернального. Местность походила на зону боевых действий.

Вдали Гарри разглядел узоры старых, мощённых брусчаткой улиц, испещрявших невесёлую местность, а в некоторых местах громоздились руины старых домов. Чуть ближе сквозь медлительную пелену серого дыма проступали силуэты высоких построек, которые чудом уцелели в бомбёжке, сравнявшей с землёй всё остальное. Нельзя было не заметить остатки былой красоты этих зданий, и Гарри удивился, что в своём изяществе они казались беженцами из древних городов Европы.

Трещина в стене разошлась до ширины дверей, и, не отдавая себе в этом отчёта, Гарри переступил через порог. Не каждый ведь день человеку счастливится заглянуть в Бездну. Д'Амур намеревался использовать эту возможность по максимуму. Зрелище заворожило Гарри, и он изо всех сил пытался его осмыслить. Увлёкшись, он едва не забыл посмотреть под ноги.

Он стоял на верхней ступеньке высокой каменной лестницы, чьё подножие терялось в жёлто-сером тумане. В дымке замаячил людской силуэт. Человек был голым, с костлявыми конечностями и круглым животом, жир над которым собрался в две рудиментарные груди. Но больше всего Гарри поразила голова мужчины – он глаз не мог оторвать. Человека явно подвергли жестокому эксперименту, и последствия были столь ужасны, что Гарри не понимал, каким чудом пациент до сих пор жив.

Голову мужчины разрезали от макушки до загривка – неизвестный инструмент вошел в череп и разделил нос, рот и подбородок ровно посредине, пощадив только язык, который теперь свисал с левой половины губ. Для того чтобы кости с мускулами не вернулись в привычное положение, в расколотую голову вогнали грубый, пятидюймовый[14] стержень из ржавого железа.

Однако железный кол не только разделял половинки головы – благодаря какой-то хитрости в его строении, стержень отвернул части головы друг от дружки. Это жестокое хирургическое вмешательство придало жертве рептильное подобие: глаза смотрели в разные стороны под углом в девяносто градусов, и, чтобы сфокусироваться на Д'Амуре, через каждые несколько шагов несчастный поворачивался к нему то одной, то другой половинкой головы.

Как его тело, не говоря уже о здравом смысле, пережило такую жестокую перестройку, было совершенно непонятно. Но пускай каждый сантиметр незнакомца был обрит, взрезан, прошит нитками и утыкан гвоздями, мужчина приближался к Гарри с тревожной проворно-

[14] 5 дюймов = 12,7 см.

стью, взбираясь по лестнице размашистыми скачками. Двигался он уверенно, словно таким и родился.

– Пора сматываться, – сказал себе Гарри, хотя его любопытство было далеко от удовлетворения.

Скорей всего, обычным способом портал было уже не закрыть – вряд ли головоломка позволила бы собой распоряжаться. Гарри собирался прибегнуть к одному из трёх Универсальных Заклинаний (в магических кругах их прозвали «у-зами»), способных справиться с заданием без особой подготовки.

Калека с разделённой головой всё ещё скакал вверх по лестнице, когда из тумана послышался повелительный голос:

– Феликссон. Поспеши.

Раздвоенный человек замер.

Наконец-то появление этой изувеченной твари обрело смысл. Она пришла не одна. Несчастный принадлежал какой-то высшей силе, и, очевидно, её носитель убыстрил свой шаг – постепенно в дымке проступали очертания его силуэта. Он оказалось мужского пола, и тело его покрывали неподвластные износу чёрные одежды инфернального ордена киновитов.

Но Гарри повстречался не обычный киновит на охоте за душами. Это была особа из адского пантеона, которую могли опознать даже те, кто не мог назвать имён и трёх ангелов. Кто-то даже придумал этому демону прозвище, и оно быстро распространилось в соответствующих кругах – нарекли его Иглоголовым, и Гарри отметил про себя, что прозвище не только обидное, но и довольно точное. Болезненную плоть покрывали борозды, создававшие строгий, подобный шахматному узор из немаркированных квадратов, и на пересечении шрамов из головы демона щетинились иглы (на самом деле, это были вовсе не иглы, а массивные гвозди), подарившие киновиту его прозвище.

Гарри замер от шока, но всего на мгновение – большего он себе позволить не мог. Он попятился назад в узкую, обращённую в хаос комнатку и проговорил пять слов Универсального Заклинания:

– Емат. Тэл. Мени. Файдот. Уунадар.

Жрец Ада услышал магическую формулу и крикнул своему питомцу:

– Феликссон, схвати его! Не мешкай!

В ответ на приказание Д'Амура материя между мирами начала сгущаться – сплеталась вуаль, ограждавшая человечество от Ада.

Однако Феликссон, располовиненный человек, оказался быстрей заклинания. Не добежав до последней ступеньки, он прыгнул, и его тело разорвало магическую завесу. Гарри отступил к двери, соединявшей тайник с пустой серой комнатой. Но любопытство было одной из самых сильных черт его характера, и Д'Амур не мог уйти, не рассмотрев существо по имени Феликссон. Вырвавшись из Ада, тварь в тот же миг забыла о своей цели – на глазах у Гарри располовиненный человек опустил чудовищную голову, чтобы изучить разрушенную библиотеку Карстона Гуда.

А затем Феликссон сделал кое-что поразительное – он заговорил. Точнее, попытался заговорить, насколько ему позволило разделённое нёбо.

– Хниги… – проговорил он, брызнув слюной.

В его поведение прокралось подобие нежности: улыбнувшись половинками рта, Феликссон присел на корточки и взялся бережно перебирать сокровища тайника.

– Книги? – пробормотал Гарри.

Одного слова оказалось достаточно – мечтательность испарилась из глаз существа. Феликссон уронил книгу, которую так любовно изучал ещё секунду назад. Его взгляд миновал разрушенные полки и вперился в Гарри.

– Ты! Штой! – выплюнула тварь.

Гарри покачал головой.

– Не-а.

Он поднял руку, запустил пальцы за книжный шкаф, стоявший между ним и Феликссоном, и толкнул что было сил. Комнатка была слишком узкой – шкаф не упал, а врезался в полки на противоположной стене, раскрошив то, что на них оставалось.

Не дожидаясь результатов крушения, Гарри толкнул дверь и выскочил в серую комнату. Позади слышался треск дерева – Феликссон пробирался к выходу, ломая преградивший дорогу шкаф. Гарри развернулся и захлопнул дверь. Она автоматически защёлкнулась и тут же слилась со стеной, вернув себе иллюзию невидимости. Однако долго она не продержалась. Феликссон с нечеловеческой силой заколотил в дверь, и она слетела с петель.

– А теперь, детектив, умри! – прорычал Феликссон и шагнул из тайника.

Не успел Гарри осмыслить тот невозможный факт, что твари была известна его профессия, как в узенькой комнатке вспыхнул необычайно яркий свет, осветив всё вокруг с безумной ясностью молнии. Словно для того, чтобы прибавить картине контраста, из тайника вылетела цепь с крюком и со свистом метнулась к Гарри. Феликссон тут же прильнул к земле, обхватив голову руками. Тем временем одна татуировка, добавленная Кезом совсем недавно («Мужик, ты её, блять, заслужил», – сказал он тогда), страшно зачесалась, и значение этого зуда было вполне однозначным: Гарри грозила смерть.

Но метил крюк не в Д'Амура – его целью была дверь позади детектива, и цепь с налёту врезалась в неё. Дверь захлопнулась, крюк метнулся вниз, к запятнанной металлической ручке, и цепь несколько раз обмоталась вокруг неё. Наконец любопытство уступило более разумной панике, и Гарри бросился к двери. У него получилось приоткрыть её на несколько дюймов, но тут он почувствовал острую боль в шее и влажный жар – он побежал по его плече, разделился и заструился по спине и груди.

Его пронизал невидимый крюк, но Гарри не обращал внимания и продолжал сражаться с дверью. Он стиснул зубы, морально готовясь к боли – Гарри знал, что придётся вырываться. Изрыгнув поток ругани, Гарри рванул дверь на себя, но крюк вонзился глубже, цепь натянулась и Д'Амура увлекло прочь от двери и всех надежд на спасение.

8

– Не стоит бежать, Гарри Д'Амур, – проговорил киновит и освободил Гарри от крюка. – Тебе не укрыться.

– Ты… знаешь моё имя.

– А ты, несомненно, знаешь моё. Поведай мне, Гарри Д'Амур, что за слова, что за шёпот заставил тебя оставить удобства простой жизни и сменить их, как мне рассказывали, на непрестанную борьбу с силами Ада.

– Кажется, ты поймал не того Гарри Д'Амура.

– Меня тошнит от твоей скромности. Хвастайся заслугами, пока есть воздух в лёгких и жизнь в теле. Ты – Гарри Д'Амур, частный детектив и бич Ада.

– Судя по твоим словам, гвозди тебе глубоко вколотили.

– Ты – замечательное клише. И всё же ты сеял надежду в грязи того недостойной. Вопреки всем ожиданиям, она росла, ширилась, и там, где шансы на выживание были ничтожно малы, она процветала – таков твой дар проклятым и отчаявшимся. Дар, который я раздавлю. Безотлагательно.

Киновит шевельнул левой рукой, и из тайника появилась ещё одна цепь с крюком – она зазмеилась по полу, а затем резко бросилась к груди Д'Амура. Гарри почувствовал, как содрогнулись переплетённые узоры талисманов на его коже, и цепь отбросило с такой силой, что она врезалась в противоположную стену, зарывшись крюком в штукатурку.

– Впечатляет, – сказал киновит. – Что ты ещё выучил?

– Надеюсь, мне хватит, чтобы не превратиться в такой жалкий отброс, – огрызнулся Д'Амур, кивнув на распростёртого на полу Феликссона.

– Внешность обманчива. Уж тебе это известно. Ты находишься в присутствии одного из самых прославленных магов вашего мира.

– Что?..

Внезапно слова демона всколыхнули его память. За последние несколько лет умерли самые могущественные колдуны – гибли они систематично, в ритуальных пытках, и никто не знал, почему. Картина начала складываться.

– Феликссон, – проговорил Д'Амур. – Я слышал эту фамилию. Это… Теодор Феликссон?

– Последний из Высшего Круга.

– Что за хрень с ним случилась?

– Я пощадил его.

– Если твоя пощада выглядит так, я пас.

– Война – лишь развитие дипломатии с помощью иных средств.

– Война? Против кого? Кучки изнеженных колдунов?

– Может, ты получишь ответ. А может, и нет. Благодарю, что не миновал приманку и решил головоломку.

– Приманка? Хочешь сказать, это сраная подстава?

– Ты должен быть польщён. И хотя я не вижу, что выделяет тебя на фоне остального сброда, твоя репутация тебя опережает. Предлагаю пройти испытание. Я оставлю здесь Феликссона – пускай он с тобой разберётся. Если Феликссон не справится с заданием, я вернусь к тебе с предложением, которое ты не посмеешь отвергнуть.

Жрец Ада развернулся, чтобы уйти.

– Хочешь, чтобы я дрался с этим искалеченным горемыкой? – переспросил Гарри.

– Как я уже говорил, внешность обманчива.

С этими словами киновит отстегнул от пояса крюк с мачете и бросил их Феликссону – тот быстро подхватил оружие, взвесил его в руках. На распоротом лице заиграла двойная улыбка, казавшаяся ещё более гротескной в своей искренности.

– Крюк! – радостно крикнул он вслед киновиту, направлявшемуся в тайную библиотеку Карстона Гуда. – Вы нихогда… не давали… крюк, – едва выговорил он.

– Победителю я дарую и другие игрушки.

Послышался отрывистый грохот, подобный раскату далёкого грома. Затем звук пропал, а с ним, если Гарри не подвели его чувства, исчез и Жрец Ада.

– Значит, остались только мы, – сказал Гарри.

Не дав Феликссону времени пошевелиться, Д'Амур выхватил пистолет и дважды выстрелил в сердце изувеченной твари. Пули продырявили цель, но не убили мага, и уголки его двойного рта поползли вверх в наглой улыбке.

– Глупый Да Мор. Не убичь Феликшона. Никогда!

– Ты так говоришь, будто это что-то хорошее.

– Лушее!

– Как ты неправ, – покачал головой Д'Амур.

– Чши умрёшь. Узнай, кто неправ.

Феликссон хлестнул цепью, точно кнутом. Затем он указал пальцем на Д'Амура, пригнулся к крюку и неразборчиво забормотал. Оружие вылетело из его руки, ринулось к Гарри и прошило нежную плоть на внутренней стороне его бедра – две раны по цене одной.

Гарри взвыл от боли.

Феликссон дернул цепь на себя, и крюк вырвался из ноги детектива. Как только оружие вернулось к нему, колдун запустил его ещё раз. Крюк пронзил второе бедро.

– Шлавно, – проговорил Феликссон. – Ешё раж вжик-вжик и прошшай, *крошка* Да Мор.

Не успел Гарри отреагировать на угрозу кастрации, как его внимание приковала к себе дверь в коридор. Она так тряслась, словно в неё ломилось стадо лошадей.

– Там *што*? – спросил Феликссон, также повернувшись к дверям.

– Без… дупля, – процедил Гарри, из последних сил стараясь не потерять сознание.

Было очевидно, что при таком избиении дверь долго не выстоит. Дерево вокруг петель и дверной ручки трескалось, во все стороны летели щепки и отслоившаяся краска.

– Кто там? – спросил Феликссон. – Убью Да Мора. Ешли войдешь.

Он зарычал и дернул цепь к себе, одним чётким движением вырвав крюк из бедра детектива. На шеё Д'Амура вздулись вены, и он издал горловой, клокочущий стон.

– Слышать?! – крикнул Феликссон в сторону дверей, нежно поглаживая смертоносный изгиб окровавленного крюка.

Он протараторил третье заклинание, и, нацелив голову-крюк на промежность Д'Амура, цепь зазмеилась к нему, точно ленивая кобра. Сквозь ужас, царивший в голове детектива, пробился лихорадочный коллаж связанных с сексом образов: мастурбация за школьным спортзалом с Пайпером и Фрэдди; девушка (как её звали? Дженет или Дженис?), которую он поимел на ночном автобусе до Нью-Йорка; зарёванная прелюбодейка, которая не намеревалась оставить адюльтер и предложила Гарри двойную оплату – всё это и сотня других воспоминаний пронеслось в его мыслях, пока смертоносное орудие неспешно приближалось к его мужскому достоинству.

А затем, без всякого предупреждения, цепь бросилась вперед. Гарри не собирался отдать оружию Феликссона часть своего тела без боя. Он выждал, пока крюк не очутился в дюйме от ширинки, схватил его правой рукой, а левой стиснул железные звенья. Цепь тут же дико забилась, пытаясь вырваться из его пальцев.

– Дурак! – заорал Феликссон. – Делачь хуже!

– Заткнись нахуй! – крикнул Гарри в ответ. – Жополиз хренов!

– Убичь Да Мора! – рыкнул Феликссон извивающейся цепи.

Понемногу Гарри терял хватку. Ещё несколько секунд, и острие вонзится в него. Крюк всё приближался к его промежности – подводили скользкие от пота ладони. Кастрации было не избежать. Мысленным взором Гарри увидел, как крюк впивается в его член.

Собрав остатки сил, он сжал окровавленную цепь и испустил первобытный, возмущенный вопль. В тот же миг, словно требовалась лишь его команда, дверь поддалась. Замок отлетел, и дверь отбросило в сторону – она грохнулась о соседнюю стену с такой силой, что с потолка пыльным градом посыпались крупные куски штукатурки. Гарри почувствовал, как в лицо ему ударил порыв холодного воздуха. Оказалось, что дверь выломал его друг Стринг Ярт, и теперь они снова были вместе. Но Гарри почувствовал, что дух пришел не один.

Увы, высаженная дверь не отвлекла мясницкий крюк от его задачи. Орудие намеревалось вырезать его пах, и пускай Гарри держал его хваткой, от которой у него побелели костяшки, цепь мало-помалу подбиралась всё ближе. Д'Амур чувствовал, как дух кружился вокруг его рук приятной прохладой. Холодок освежил его усталое тело, высушил ладони и вернул силы мускулатуре. Гарри оттолкнул змеистую цепь на целых шесть дюймов, а затем швырнул её наземь и прижал крюк коленом.

– Получи, срань! – крикнул он.

Цепь вовсе не обрадовалась своему положению. Даже будучи придавленная всем весом Д'Амура, металлическая змея пыталась выскользнуть на волю, и Гарри понимал, что счёт шёл на секунды: раны на бёдрах обильно кровоточили, и остатки сил быстро заканчивались. Но присутствие фантома успокоило и ободрило его. Он сражался не в одиночку – у него были союзники, просто он их не видел. Однако у Феликссона зрение оказалось получше. Он таращил глаза, наклонял разрезанную голову то к левому, то к правому плечу, вертелся на месте, пытаясь оценить силы новых противников, и разговаривал с ними.

– Феликссон вас поймачь и съесчь!

Он крутился вокруг своей оси, размахивал руками и бормотал проклятия или заклинания (возможно, и то, и другое), пытаясь схватить хотя бы одного из невидимых, круживших по комнате духов.

Поскольку внимание её хозяина отвлекли, цепь постепенно утратила спесь и затихла. Действуя очень осторожно, Гарри убрал колено с крюка и поднял оружие Феликссона. Как только он пошевелился, адреналиновый шок развеялся, и у него закружилась голова. Ему показалось, что он вот-вот потеряет сознание. Однако на помощь Д'Амуру подоспел один из прохладных призраков – очевидно, почувствовав его плачевное состояние, дух бесплотным бальзамом пролетел сквозь его тело.

Боль не уменьшилась, но призрак увёл от неё мысли Д'Амура, и разум детектива очутился в какой-то неизведанной камере его души. Это место полнилось тайнами и загадками, тут же очаровавшими измученное болью тело.

А затем невидимая сущность заговорила. «Приготовься», – послышались в голове Д'Амура его слова. Последний слог фразы эхом прокатился по телу детектива, развеяв целебную негу, и Д'Амур вернулся в серую комнату. В это было невозможно поверить, но Феликссон озверел пуще прежнего. Он придавил к противоположной стене невидимого противника и рвал его на куски. Жертва испускала пронзительный, агонизирующий вопль.

– Шкажачь мерчвые дружжя! – крикнул Феликссон – его речь деградировала по мере того, как мага охватывало неистовство. – Шкажачь все мерчвы как тшы. Шкажачь Феликшон ими срачь! Лезь в джела Ада? Никогда! Шлышачь? Шкажачь!

Он провернул пальцы в воздухе, и голос его зазвучал на октаву громче: «Не слышачь говоричь!»

Пускай Гарри не видел фантомов, он чувствовал их возбуждённое присутствие. Казалось, приказы Феликссона их только разозлили. Вся комната затряслась. Старые половицы выскакивали со своих мест и ударялись в стены, кроша штукатурку.

На глазах у Гарри его союзники выломали с потолка несколько кусков шпатлёвки – они упали, и детективу показалось, что он увидел фантомов в клубах поднявшейся пыли. Или, по крайне мере, их размытые силуэты. По потолку побежали зигзаги трещин. Голая лампочка болталась туда-сюда, и тень Феликссона заметалась по стенам. Фантомы носились вокруг, и в воздухе чувствовалась буквально осязаемая жажда уничтожить эту комнату вместе с Феликссоном. Стало ясно, что призраки собирались разобрать помещение на куски. Пыль от штукатурки заволокла комнату белым туманом.

Феликссон вернул взгляд на Гарри.

– Виничь Да Мора я! Он заплачичь!

Феликссон схватил цепь, и на глазах у Гарри туман из штукатурки расступился – вниз сиганул фантом, и его движения дублировал второй призрак, спускавшийся с противоположной стороны. Их траектории пересекались на цепи, и звенья, на которых встретились два призрака, разлетелись на куски, оставив на крюку металлический обрывок длиной в восемнадцать дюймов. От удара на лбу Феликссона открылась рана. Маг был к такому не готов. Он чертыхнулся и вытер натёкшую в правый глаз кровь.

Затем еще два призрака нацелились не на остаток цепи, а на державшую её руку. Не успел Феликссон выпустить цепь из пальцев, как фантомы набросились на него. Они врезались в его руку, и во все стороны полетели куски металла, обрывки плоти и обломки костей. Ранив и обезоружив Феликссона, духи решили довести начатое до конца и разрушить логово порока Карстона Гуда. Фантомы набросились на несущие стены, и всё вокруг заходило ходуном. Лампочка, висевшая посреди комнаты, вспыхнула неестественно ярко и перегорела.

Гарри понял, что самое время делать ноги. Он был в двух шагах от двери, когда ещё одна татуировка Кеза, предупреждающая сигила в центре спины, испустила импульс, распространившийся по всему телу Д'Амура. Он развернулся как раз вовремя, чтобы отскочить с дороги Феликссона – тот мчался на него, ощерившись кривыми острыми зубами. Челюсти щёлкнули в воздухе, где две секунды тому назад находилась голова Гарри, и по инерции Феликссон врезался в стену у двери.

Гарри не стал дожидаться, пока Феликссон оклемается. Он выскочил в коридор. Фантомы в исступлении бросались во все стороны. Они врезались в стены, точно невидимые молотки. Осыпавшаяся штукатурка с замазкой оголила деревянные планки. С другого конца коридора доносился шум разрушения – явное свидетельство того, что лестницу разбирали с не меньшим запалом. Тьма с пылью совместными усилиями ограничили поле зрения до одного лишь фута. Несмотря на шум впереди, Гарри решил рискнуть – выбора не оставалось.

Тем временем половицы стонали, выкручивались и плевались гвоздями. Ступать по ним было страшно, однако Гарри миновал комнату с гамаком (пыль полностью заволокла помещение) и двинул дальше, ступая по обезумевшим доскам. Деревянные планки поддавались ударам призрачных молотков ещё быстрее, чем штукатурка. Гарри скрестил руки перед лицом, чтобы защититься от носившихся по воздуху щепок. Он шел вслепую. В третий раз вмешалось прохладное привидение – оно вошло в Гарри и кровью зашумело в его ушах: *«Назад! Немедленно!»*

Гарри отреагировал молниеносно. Только он отскочил, как мимо пронёсся Феликссон – рот мага был распахнут в леденящем крике. Вопль внезапно оборвался. Лестницы в конце коридора явно не стало. То, как рассеялся вопль Феликссона, подсказало Гарри, что у её подножия разверзлась пропасть, и ручной пёс киновита сиганул прямиком в бездну под домом. Судя по далёкому вою Феликссона, пропасть была глубокой, и, скорей всего, никому из неё не выбраться, или точней, прежде чем весь дом схлопнется и рухнет вниз.

Гарри повернулся туда, откуда пришел, и направился обратно в серую комнату. Двигался он быстро, осторожно и пытался не обращать внимания на уходивший из-под ног пол коридора – половицы провалились и летели в бездну.

К тому времени, как он очутился в комнате, пыли от штукатурки почти не осталось – её засосала вниз огромная пустота. Между Гарри и дырой простирался лишь хлипкий, изрытый язвами пол. Но, по крайней мере, теперь Д'Амур увидел свою последнюю надежду и единственную цель – окно. Доверив ногам их работу, Гарри без проблем пересек комнату. Перед окном сохранился выступ в четыре половицы, и по их виду было ясно, что долго они не продержатся – древесина лишилась почти всех гвоздей.

Гарри потянул закрывавшую окно ткань. К раме её приколотили на совесть, но Гарри решил, что сделали это не один год тому назад: ткань была грубой, но после нескольких сезонов повышенной влажности она прогнила и теперь рвалась, как бумага. Комнату затопил свет из внешнего мира – не прямые солнечные лучи, но сияние довольно яркое, и оно пришлось как нельзя кстати.

Гарри выглянул в окно. До земли было высоко, а по сторонам ухватиться не за что. Водосточная труба бы точно не помешала. Да и пожарная лестница позволила бы ему спуститься по-человечески. Но нет, ему приходилось прыгать и надеяться на лучшее. Гарри потянул за раму в попытке открыть окно, однако она не поддавалась. Он нагнулся и вырвал половицу, укоротив и без того крохотный выступ. Д'Амур как раз разворачивался к окну, когда вдруг заметил какое-то движение, оглянулся и понял, что в комнате он уже не один.

Израненный, окровавленный и пыльный, на пороге стоял бешеный пёс Иглоголового – Феликссон оскалил зубы, а его глаза превратились в две яростные щёлки. Как бы глубоко он не провалился, маг выкарабкался наверх в решимости закончить кровавое дело.

– Ну и кашу ты заварил, Д'Амур… – пробормотал Гарри.

Феликссон бросился на него так внезапно, что под ним треснули половицы. Гарри швырнул доску в окно, разбил стекло и полез наружу. На тротуаре у дома собралась толпа зевак. Гарри расслышал отдельные слова – ему кричали, что он свернёт шею, что нужно взять лестницу, матрац или простыню, однако несмотря на все возможные варианты, никто не попытался помочь – вдруг пропустят, как Д'Амур прыгнет?

И через две секунды он бы уже летел вниз, однако Феликссон не собирался упускать свою жертву. Тварь одним прыжком преодолела пропасть и схватила Гарри за ногу, впившись в рану на бедре. Силу пальцев явно увеличивал безжалостный сплав плоти с металлом.

Гарри пронзила адская боль, но он не стал тратить силы на крик.

– Лады, хуйло, – сказал он. – Летишь со мной.

С этими словами он выбросился в окно. Феликссон держался за Гарри, но у подоконника он отпустил свою жертву – возможно, испугавшись быть увиденным.

Гарри врезался в заплатку асфальта. Звук ломающихся костей был ему хорошо знаком, и он сразу понял, что наверняка заработал несколько переломов. Но не успел Гарри попросить кого-то из зевак подвезти его к ближайшей больнице, дом издал протяжный пораженческий стон и рухнул: перекрытия провалились, стены растрескались и сложились, рассыпав вокруг груды кирпича. Это случилось поразительно быстро – всё здание ушло под землю меньше чем за минуту, выпустив под конец густую тучу серо-коричневой пыли.

Стены капитулировали, и тело Д'Амура последовало их примеру. По организму прокатилась дрожь, и в его чувства вновь вторглась пульсирующая пустота. На этот раз она не отступила, наоборот – прижалась к нему со всех сторон. Окружающий мир стиснулся в далекий кружок, через который Гарри смотрел на него, точно в неправильный, противоположный конец телескопа. Боль пульсировала в едином со вторгшимся забвением ритме, а он, в свою очередь, подчинялся биению его грохочущего сердца.

Вдалеке – там, откуда удалялось сознание Д'Амура, – кто-то пробирался к нему сквозь толпу: Гарри увидел какого-то лысого, бледного карлика с таким пронзительным взглядом, что его сила чувствовалась даже на расстоянии в несколько световых лет. Человечек двигался меж людей с невероятной проворностью – так, словно невидимые силы расчищали ему дорогу. Образ незнакомца дал угасающим чувствам Д'Амура причину задержаться и дать отпор подступавшей пустоте, что грозил стереть землю под его ногами. Но давалось это с трудом. Как бы Гарри ни хотелось узнать, кем был тот бравый лилипут, его разум отключался.

Гарри сделал хриплый вдох – он собирался хотя бы назваться. Но оказалось, что нужды в этом не было.

– Нам нужно немедленно уходить, мистер Д'Амур, – сказал незнакомец. – Пока никто не смотрит.

Затем мужчина нагнулся и аккуратно взял Гарри за руку. Когда их пальцы соприкоснулись, по руке Д'Амура промчала волна блаженной теплоты, и боль отхлынула от его ран. Ему стало хорошо, как в материнских объятиях. И на этой мысли мир сменился чернотой.

9

Вначале ему ничего не снилось. Он просто лежал в темноте, заживлялся и время от времени выныривал на поверхность сознания – неподалёку кто-то его обсуждал. Возможно, в коридоре. У него не было желания просыпаться и включаться в разговор, но он слышал беседу или, по крайней мере, её фрагменты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.